

*Аналитические доклады Института Кавказа
№2, август 2010 г.*

Сергей Минасян

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ
ПОСЛЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
КОНФЛИКТА:
НЕИЗБЕЖНАЯ ПРОЛОНГАЦИЯ
СТАТУС-КВО?**

УДК 32.001 : 341
ББК 66 + 67.91
М 613

М 613 Минасян Сергей

Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво? Аналитические доклады Института Кавказа, №2, август 2010 / Науч. ред.: Александр Искандарян. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 80 с.

Второй выпуск Аналитических докладов Института Кавказа посвящен исследованию различных аспектов карабахского конфликта в динамике его развития за последние два десятилетия. Основная задача доклада — системный анализ конфликта, выявление факторов и тенденций, способных повлиять на подходы как самих противостоящих сторон, так и вовлеченных в конфликт региональных и глобальных акторов и стран-посредников. Значительное место уделено исследованию военно-политической и военно-технической составляющих конфликта. Анализируется влияние карабахского конфликта на региональную политику и политический дискурс в третьих странах, значение временного фактора, а также взаимоотношения внешних акторов с конфликтующими сторонами. Доклад представляет интерес как для специалистов-политологов, так и для широкого круга читателей.

Научный редактор: **Александр Искандарян**

Литературный редактор: **Нина Искандарян**

Дизайн и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

УДК 32.001 : 341
ББК 66 + 67.91

ISBN 978-99941-2-413-8

© Институт Кавказа, 2010
© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза

Содержание

1. Введение	5
2. Карабахский конфликт в системе мировых этнополитических конфликтов	7
3. Стратегии и политические подходы конфликтующих сторон	17
3.1. Азербайджан: ставка на нефть и блокаду	18
3.2. Армения: комплементаризм и диаспора	24
3.3. Нагорный Карабах: вопросы права и безопасности	27
4. Региональное и международное измерение карабахского конфликта	31
4.1. Посредники, великие державы и Европейский Союз	31
4.2. Региональный контекст	36
4.3. Турция и карабахский конфликт	38

5. Военно-политическое измерение конфликта.	43
5.1. Соотношение военно-технических, политических и количественных параметров в общем военном балансе	43
5.2. Анализ военно-технического потенциала сторон	48
5.3. Реалии «возможной войны»: асимметрия целей и концепций?	62
6. Вместо заключения: будущее карабахского конфликта, или на кого работает время?	73
Об авторе	78
Об Институте Кавказа	79

1. Введение

Уже два десятилетия карабахский конфликт продолжает оставаться важнейшим фактором, влияющим на политическую карту Южного Кавказа и на судьбы армян и азербайджанцев, проживающих в этом регионе. Движение армян Нагорного Карабаха за самоопределение, стартовавшее в феврале 1988 г., вылилось в ожесточенный конфликт населения этой бывшей советской автономии (и поддерживавших их армян в Армении и во всем мире) сперва с коммунистическими властями СССР и Азербайджанской ССР, а затем, после развала Советского Союза, — с независимым Азербайджаном. Жертвами конфликта с обеих сторон стали десятки тысяч человек; сотни тысяч были депортированы, потеряли свои дома и имущество, превратились в беженцев и вынужденно перемещенных лиц.

Все конфликтующие стороны приводят значительное количество исторических, политических и правовых аргументов для обоснования своей позиции и проводимой политики. Вместе с тем, общественность и элиты Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, демонстрируя минимум готовности к компромиссному урегулированию, целиком возлагают на противостоящую сторону вину за эскалацию конфликта и отсутствие воли к миру. Вовлеченные в

той или иной степени в сам конфликт или в процесс мирного урегулирования третьей страны и международные организации не имеют единой позиции и зачастую преследуют собственные цели и интересы в политических процессах вокруг Нагорного Карабаха.

В результате переговорный процесс по Нагорному Карабаху напоминает ситуацию перманентного *déjà vu*. Удивительно, но хотя не заметно серьезных подвижек по достижению в обозримом будущем мирного соглашения вокруг Карабаха, сами конфликтующие стороны воспринимают ситуацию сохраняющегося статус-кво как минимально приемлемую. Даже проигравший в войне Азербайджан, заявляющий время от времени о своей готовности взять реванш силовым путем, тем не менее, исходя из политических и военных ограничений, также вынужден учитывать сложившиеся реалии, где сохранение неопределенности в переговорном процессе является «меньшим из зол».

Основная задача доклада — системный анализ конфликта, выявление факторов и тенденций, способных повлиять на подходы как самих противостоящих сторон, так и вовлеченных в конфликт региональных и глобальных акторов и стран-посредников. Значительное место уделено исследованию военно-политической и военно-технической составляющих конфликта; проведен компаративный анализ факторов, влияющих на военный баланс в регионе и вероятность возобновления/невозобновления боевых действий в зоне конфликта. Анализируются влияние карабахского конфликта на региональную политику и политический дискурс в третьих странах, значение временного фактора, а также взаимоотношения внешних акторов с конфликтующими сторонами.

2. Карабахский конфликт в системе мировых этнополитических конфликтов

Динамика карабахского конфликта, приведшего к созданию по его итогам на Южном Кавказе нового непризнанного государственного образования — Нагорно-Карабахской Республики, четко укладывается в мировую логику процессов национального строительства и появления новых государств. Подобные этнополитические конфликты¹, сопровождающиеся появлением новых де-факто государственных образований, не являются уникальными ни для Южного Кавказа (Абхазия и Южная Осетия), ни для постсоветского пространства (Приднестровье), ни для региона Передней Азии и Средиземноморья (Северный Кипр), ни для Балкан (Косово), ни для других регионов

---

¹ Этнополитический конфликт характеризуется тем, что затрагивает одновременно политическую и этническую сферы, при этом политическая составляющая (борьба за власть, территории, ресурсы и т.д.) зачастую выходит в таком конфликте на первый план. Под этнополитическим конфликтом также принято понимать процесс разрешения конфликтных проблем между этносами и этническими группами с помощью политических средств.

мира (Эритрея, Бангладеш, Ачех и т.д.)².

Долговременное состояние «ни мира, ни войны» вокруг Нагорного Карабаха и неспособность конфликтующих сторон и посредников уже второе десятилетие добиться окончательного урегулирования объясняются не только сложным геополитическим фоном и региональным соперничеством сверхдержав. Это также результат отсутствия воли и желания к урегулированию у самих конфликтующих сторон. Но при всей своей специфичности, карабахский конфликт четко укладывается в ряд «классических» этнополитических и/или этнотерриториальных вооруженных конфликтов, связанных с процессами национального строительства и этнического размежевания³. Из числа этнотерриториальных конфликтов, именно сепессионистские и ирредентистские⁴ конфликты,

² В тематику данной работы не входит детальный анализ хронологии и динамики развития карабахского конфликта. См. подробнее: Nikolay Novhannisyanyan. *The Karabakh Problem: Factors, Criteria, Variants of Solution*, Yerevan, 1999; Sergey Minasyan. Mikhail Aghajanyan and Eleonora Asatryan, *The Karabakh Conflict: Refugees, Territories, Security*, Yerevan, 2005; Сурен Золян. *Нагорный Карабах: проблема и конфликт*, Ереван, 2001.

³ Этнотерриториальными конфликтами являются споры и конфликты этносов и этнических групп за права проживать на определенной территории, владеть и/или управлять ею. Территориальные споры между суверенными государствами не являются классическими этнотерриториальными конфликтами, т.к. в них вовлекаются не просто этносы, а также государства и нации, при этом зачастую полиэтничные общности. Поэтому их более принято называть межгосударственными или международными конфликтами, хотя между классическими этнотерриториальными и межгосударственными конфликтами существует теснейшая связь и им свойственны во многом одинаковые законы развития и классификации. См. подробнее: Вадим Стрелецкий. «Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, Марта Брилл Олкотт, Валерий Тишков, Алексей Малашенко (ред.). М., 1997, с.231.

⁴ Среди этнотерриториальных конфликтов выделяют сепессионистские (под которыми понимают политические или этнополитические движения, направленные на выход части территории государства из его состава – т.е. сепессию, с целью образования нового независимого государства) и ирредентистские (когда целью выхода из состава одного государства является присоединение или вхождение в состав уже существующего государства).

сопровождающиеся возникновением новых де-факто государств, считаются в политической науке крайней и наиболее ожесточенной формой развития этнополитического конфликта. Как отмечает А.Ямсков, в таком конфликте «компромиссное решение в принципе невозможно; конфликт может быть либо подавлен силой, либо в итоге он приведет к разрушению исходного полиэтнического общества путем его распада на два новых общества или трансформации в принципиально иной социум после эмиграции (депортации) конфликтотогенного меньшинства»⁵.

Соответственно, применительно к карабахскому конфликту необходимо учитывать мировой опыт попыток разрешения подобного рода сложных этнополитических конфликтов, прошедших активную военную фазу. Такие этнополитические и этнотерриториальные конфликты практически никогда не удавалось урегулировать путем паритетного компромиссного соглашения, одинаково удовлетворяющего все стороны. Мировая история последнего столетия практически не знает подобных примеров, кроме совсем уж экзотических случаев, когда конфликты не достигали такого ожесточения, имели малый ареал или же не являлись приоритетными для самих конфликтующих сторон⁶.

И наоборот, широко разрекламированные компромиссные соглашения, вызвавшие в свое время мировой резонанс и поддержку значительной части общественности конфликтующих сторон, зачастую приводили лишь к еще более кровопролитным вспышкам насилия, после которых

---

⁵ Анатолий Ямсков, «Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, с.209.

⁶ Например, классическим этнотерриториальным спором, получившим компромиссное решение, явился вопрос Триеста, разделенного между Италией и бывшей Югославией после Второй мировой войны; впрочем, вопрос о создании непризнанного государства там не стоял.

конфликт продолжал развиваться, но в еще более трудных условиях. Классическим примером могут служить Соглашения Осло 1993 г. по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые не только не привели к достижению долгожданного мира на земле Палестины, но стали прологом к гибели главного архитектора мирного процесса Ицхака Рабина, новому витку интифады, активизации атак арабских боевиков на Израиль, Ливанской войне 2006 г., операции «Литой свинец» в секторе Газы в конце 2008 г., а также демократическому приходу к власти в секторе Газа движения «Хамас». Слишком уж часто такого рода идеалистическое и основанное на «идефикс» компромиссного урегулирования «желание мира без понимания реальностей мирного процесса приводило к совсем иным результатам, нежели планировались изначально»⁷.

Во всех остальных случаях этнополитические и территориальные конфликты, особенно связанные с сецессией и этническим размежеванием сторон, имели лишь очень небольшой набор сценариев, приводивших (или же, наоборот — до сих пор так и не приведших) к окончательному решению или долговременному миру. Можно предложить следующую, естественно, весьма условную, классификацию таких конфликтов по типологии и сценариям развития:

- Первый сценарий предполагает достижение одной из сторон — непризнанным или де-факто государством — настолько убедительной победы (или же фактической капитуляции бывшей «метрополии»), что проигравшая сторона полностью или на очень долговременную историческую перспективу отка-

---

⁷ Сергей Маркедонов, *Стратегия миротворческого ускорения*, <http://www.politcom.ru/8492.html>, 13.07.2009.

зывается от всяких надежд и претензий на возврат данных отделившихся территорий, особенно, если сложившаяся ситуация найдет понимание и будет признана со стороны международного сообщества или хотя бы значительного количества стран мира. Условными примерами достижения успешной и окончательной независимости, вопреки желанию бывшей «метрополии» можно считать Косово, Бангладеш и Эритрею⁸. Схожими примерами «окончательного решения» в долговременной исторической перспективе уже чисто территориального межгосударственного конфликта могут послужить Эльзас и Лотарингия. Типологически довольно схожим примером являлся также масштабный процесс деколонизации и обретения независимости бывшими колониями европейских метрополий.

- Вторым (и похожим по своим результатам на первый) сценарием «окончательного разрешения» этнополитического конфликта или же проблемы непризнанных государств является полное уничтожение отделившейся этнополитической единицы. Аналогичный результат может иметь и военный разгром соседней страны — этнической родины непризнанного государства. «Классическим» (и зер-

---

⁸ Кроме указанных примеров обретения независимости этнополитическим государственным образованиям вопреки желанию бывшей «метрополии», существуют многочисленные примеры добровольного распада государств (Чехия и Словакия, Мали и Сенегал, Сингапур и Малайзия, Сирия и Египет, Ирландия и Великобритания, Норвегия и Швеция, Исландия и Дания). См. подробнее: Александр Искандарян, «Генезис посткоммунистических этнополитических конфликтов и международное право (на примере Закавказья)», *Этнополитические конфликты в Закавказье: их истоки и пути решения*. Центр международного развития и конфликтологии Мерилендского университета, Колледж Парк, Мериленд, 1997.

кальным по отношению к первому случаю) примером «окончательного решения» этнополитического конфликта может послужить бывшая Республика Сербская Краина в Хорватии, уничтоженная всего за 4 дня в августе 1995 г. в результате стремительного наступления хорватских войск. Исторически похожим примером могут послужить Судеты, когда после поражения и капитуляции Германии во Второй мировой войне и по результатам послевоенных договоренностей германское население этого региона на территории нынешней Чехии было практически полностью депортировано и выселено.

- Третий сценарий — замороженный или вялотекущий конфликт, в котором проигравшая сторона (т.е. бывшая «метрополия») не смирилась с существующим положением и имеет надежды каким-то образом достигнуть военного или политического реванша и вернуть отколовшуюся территорию. Такого рода классическим примером «замороженного конфликта» может служить Карабах. Довольно схожим примером в данной классификации может явиться и арабо-израильский конфликт. Хотя арабо-израильский конфликт не является классически «замороженным», в нем явно проявляется нежелание одной из сторон (в данном случае — палестинских арабов) смириться с существующим положением, при этом потенциал потерпевшей стороны позволяет ей поддерживать конфликт в стадии «медленного горения» (в виде интифады, акции боевиков-смертников, обстрелов израильской территории и т.д.).
- Четвертый сценарий — это так называемый «Кипрский прецедент» или фиксация практически

неизменного статус-кво в зоне конфликта. Кроме Северного (Турецкого) Кипра, данная ситуация вполне применима к Тайваню⁹, Кашмиру (противостоянию Индии и Пакистана), а с августа 2008 г. – также к Абхазии и Южной Осетии. Отчасти таковым можно считать Приднестровье, где вероятность возобновления вооруженного конфликта сведена к нулю его «излишне европейским расположением». Для «Кипрского прецедента» характерно признание и/или прямая поддержка этнополитической единицы со стороны ее этнической родины (или «материнского» политического образования) или же мировой или региональной державы. Серьезные политические ограничения на возобновление боевых действий (как в случае с Китаем и Тайванем или Молдовой и Приднестровьем), или же несоизмеримость силового потенциала бывшей «метрополии» или страны-реваншиста (как в случае с Грецией, Кипром и Турцией, или же Грузией и Россией) делают невозможным в обозримом будущем изменение статус-кво. При этом сами конфликтующие стороны также понимают нереальность изменения статус-кво в зоне конфликта в обозримом будущем. Однако полноценного международного признания, исходя из тех или иных политических обстоятельств, или же окончательного примирения бывшей «метропо-

---

⁹ В случае с Тайванем имеет место уникальный пример в мировой практике при анализе динамики статуса де-факто государства, т.к. Тайвань превратился в де-факто и частично признанное государство начиная с 1971 г., после того, как был не только признан мировым сообществом и полноправным актором международных отношений, но и являлся с 1945 по 1971 гг. одним из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН.

лии» со сложившейся реальностью, не происходит, и окончательного урегулирования конфликта не происходит.

- Пятый сценарий (в реальности - переходный между вторым и третьим) – вынужденный или добровольный отказ этнополитической единицы (пусть даже временный) от суверенизации. Классическим примером десуверенизации (под внешним давлением) непризнанной республики может послужить Республика Сербская, включенная по результатам Дейтонских соглашений декабря 1995 г. в состав Боснии и Герцеговины. С некоторыми оговорками можно включить в данную категорию и Чечню (Ичкерия) по состоянию на начало 2000-х гг. Аналогично произошла десуверенизация провозглашенного в 1976 г. «Государства Ачех» (в северной части индонезийского острова Суматра), когда после тридцатилетних боевых столкновений в соответствии с подписанным в Хельсинки в 2005 г. мирным соглашением между центральными властями и ачехскими повстанцами эта территория (более всего пострадавшая от разрушительного цунами и землетрясения в Индийском океане в декабре 2004 г.) получила статус «особой автономии» в составе Индонезии. Достаточно показательным примером может послужить также отказ албанского меньшинства Македонии от сепаратизма и создания собственной государственности по результатам Охридского соглашения 2001 г. Кстати, неудачная попытка применить данный сценарий для урегулирования карабахского конфликта уже была предпринята в виде идеи «Общего государства»,

предложенной государствами-посредниками при сильном международном давлении в конце 1990-х гг. В реальности этот проект представлял собой не что иное, как своеобразное проецирование технологии Дейтонских соглашений на карабахский конфликт.

Таковы основные сценарии развития актуальных мировых этнополитических конфликтов, связанных с появлением непризнанных или де-факто государств. В предложенной классификации, как представляется, карабахский конфликт не является уникальным, хотя и имеет свои специфические черты, в частности:

- наличие многолетнего формата переговорного процесса с участием посредников (сопредседателей Минской группы ОБСЕ в лице трех ведущих мировых ядерных держав – постоянных членов Совета безопасности ООН),
- сохраняющееся хрупкое перемирие на линии соприкосновения при полном отсутствии миротворцев,
- значимость Южного Кавказа для региональных и мировых акторов.

3. Стратегии и политические подходы конфликтующих сторон

В карабахском конфликте налицо полное несовпадение подходов и неготовность конфликтующих сторон к компромиссам. Уровень гипотетических максимальных уступок, на которые в принципе может быть готова каждая из противоборствующих сторон в ходе переговоров, абсолютно не соответствует минимальным ожиданиям общества и элит противоположной стороны¹⁰. С другой стороны, как внешние ограничители в виде позиций ведущих держав и международного сообщества, так и сложившийся в конфликте военно-политический и военно-технический баланс на современном этапе реально сдерживают возобновление боевых действий в зоне конфликта. Однако острое противостояние армянских и азербайджанской сторон от этого не ослабевает, а просто принимает иную форму.

---

¹⁰ См. подробнее: Laurence Broers (ed.), “The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process”, *Accord*, issue 17, 2005.

3.1. Азербайджан: ставка на нефть и блокаду

Поражение в боевых действиях 1992-1994 гг. сильно ударило по национальной идентичности Азербайджана. Необходимость возвращения Карабаха пусть даже очень высокой ценой стала ключевым элементом государственного строительства постсоветского Азербайджана и идеологической основой консолидации азербайджанского общества. На протяжении последних двух десятилетий борьба за Карабах являлась одним из столпов внешней и внутренней политики Азербайджана. Основной упор в этой борьбе изначально делался на коммуникационную блокаду Армении и Карабаха при поддержке Турции, а также дипломатические и пропагандистские усилия на международном уровне. В последние же годы на передний план вышло интенсивное наращивание военного потенциала Азербайджана, основанное на доходах от добычи углеводородов. Ожидалось, что все это вместе заставит Карабах и Армению пойти на уступки, не выдержав экономической изоляции и гонки вооружений.

Однако расчет на блокаду себя не оправдал. С середины 1990-х гг. Армения успешно развивалась экономически; на протяжении нескольких лет вплоть до начала мирового финансового кризиса в 2008 г., темпы ее экономического роста достигали двузначных цифр. Достаточно успешно протекает и выход Армении из мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Новым испытанием для карабахской политики Баку стал начавшийся в 2008 г. армяно-турецкий процесс. Ведь в случае открытия армяно-турецкой границы Армения могла бы получить новые коммуникационные пути, и рассчитанная на блокаду стратегия Баку потеряла бы всякий смысл. И хотя армяно-турецкий процесс пока ничем не завершился, в двусторонних отношениях Азербайджана и Турции остался негативный оса-

док. Причем кризис в отношениях между Анкарой и Баку случился не только на уровне политических элит или властных структур: намного острее «предательство» турецких властей восприняло азербайджанское общество. А в Турции как минимум на экспертном уровне актуализировался дискурс о совпадении/несовпадении политических интересов Баку и Анкары¹¹.

На сегодняшний день основной аргумент Азербайджана в карабахском конфликте — значительные доходы от добычи нефти и газа, которые дают надежду Азербайджану добиться кардинального преимущества в военно-технической сфере и вынудить Армению и Карабах пойти на уступки. Суммарные оценки азербайджанских запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря варьируются в зависимости от политических пристрастий исследователей, и очень трудно составить объективное представление о реальном углеводородном потенциале Азербайджана. Во всяком случае, он весьма значителен, хотя и не безграничен. Однако политика, основанная на нефтяных доходах и военном превосходстве, сталкивается с двумя проблемами.

Во-первых, нефть и газ не являются залогом ни стабильного экономического роста, ни политического развития стран-экспортеров, особенно, если эти страны имеют лишь небольшой опыт государственного строительства и делают первые шаги по пути демократического транзита и формирования институтов гражданского общества. Не случайно существует даже термин «нефтяное проклятие», который довольно точно характеризует степень экономических, соци-

---

¹¹ Nigar Goksel, “Turkey and Azerbaijan: Passion, Principle, or Pragmatism?”, *On Turkey, GMF Analysis*, June 4, 2009 (available at <http://www.gmfus.org/onturkey/index.cfm>).

альных и политических проблем и сложностей, возникающих, когда на страну обрушивается денежный поток от продажи природных ресурсов. Эти проблемы являются темной стороной фасада экономического благополучия стран-экспортеров нефти. В истории есть десятки примеров стран, в судьбе которых наличие богатых природных ресурсов (в первую очередь нефти и газа) сыграло коварную и даже роковую роль – от Нигерии до Мексики, от Испанской империи Габсбургов (в данном случае – дешевого серебра из рудников в испанских колониях в Америке) до СССР¹².

И во-вторых, положение в зоне конфликта таково, что вернуть Карабах под свою юрисдикцию в результате военных действий Азербайджану будет очень трудно в силу сложившегося военно-технического и военно-политического баланса, важнейшей составной частью которого является удобная и фортификационно укрепленная линия обороны вдоль границ Карабаха. По оценкам многих военных экспертов, насыщенность оборонительных позиций карабахской армии противотанковыми средствами и артиллерией позволяет им нанести серьезные потери наступающим азербайджанским войскам, что ликвидирует многократное превосходство азербайджанской армии в танках и иной бронетехнике в ходе первого удара, и не допускает возможность «блицкрига» и быстрого прорыва в глубь территории

---

¹² См. подробнее: Егор Гайдар, *Гибель империи. Уроки для современной России*, М., 2007; May В., «Уроки Испанской империи», *Россия в глобальной политике*, Т.3, №1, Январь – Февраль 2005; Svetlana Tsalik, *Caspian Oil Windfalls: Who Will Benefit?* Caspian Revenue Watch - Open Society Institute, New York, 2003; Amity Shlaes and Gaurav Tiwari, *Smart Countries, Foolish Choices*, A Maurice R. Greenberg Center for Goeconomic Studies Working Paper, Council on Foreign Relations, No 1, April 8, 2008; Сергей Минасян, «Нефтяной фактор и политика Азербайджана в Карабахском конфликте», *Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта*, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.

Нагорного Карабаха. Причем, по оценкам многих международных экспертов, в ближайшие годы военный баланс в зоне конфликта кардинально не изменится¹³. Карабах и Армения вполне отдают себе в этом отчет, и соответственно, угрозы войны не оказывают на них ожидаемого воздействия.

Что же касается дипломатических усилий и переговорного процесса, то реальность, сложившаяся по итогам более чем двадцати лет переговоров об урегулировании карабахского конфликта, такова, что в настоящий момент возвращение Карабаха Азербайджану как таковое отсутствует на столе переговоров. При любом из ныне обсуждаемых вариантов мирного урегулирования (будь то Мадридские принципы или иные актуальные предложения посредников) Азербайджан теоретически может рассчитывать на возврат каких-то территорий, но должен будет согласиться с тем, что сам Нагорный Карабах, как минимум в административных границах советского времени вместе с наземным коридором для связи с Арменией, не будет возвращен под его

---

¹³ Например, в опубликованном в ноябре 2007 г. Международной кризисной группой (ICG) специальном аналитическом докладе, озаглавленном «Нагорный Карабах: риск войны», отмечалось, что несмотря на довольно значительные закупки Азербайджаном вооружений, военный баланс в конфликте не изменился и вряд ли может измениться в ближайшее время, что во многом обусловлено выгодной для армянской стороны географической конфигурацией линии фронта в Нагорном Карабахе, где значительная часть господствующих высот находится под контролем армянской стороны, а уязвимые участки соприкосновения с азербайджанскими войсками представляют из себя глубоко эшелонированную линию фортификационных укреплений. При этом аналитики ICG отметили, что реальная опасность боевых действий может стать следствием не столько усиленной милитаризации Азербайджана, сколько возможного к 2012 г. резкого снижения добычи азербайджанской нефти и соблазна решить конфликт силой: «когда доходы от экспорта нефти Азербайджана, вероятно, начнут снижаться, и военная авантюра может представиться средством отвлечения внимания граждан страны от экономических проблем». “Nagorno-Karabakh: Risking War”, *Europe Report No 187*, International Crisis Group, 14 November 2007. P.i-ii, 19.

юрисдикцию. Именно таково содержание предложений, находящихся ныне на столе переговоров Минской группы ОБСЕ. Ключевым элементом Мадридских принципов является референдум как механизм международной политико-правовой легитимации отделения Карабаха от Азербайджана¹⁴.

Между тем имеющееся у азербайджанского общества и элит стремление вернуть Карабах в состав Азербайджана в ближайшие годы не ослабнет. Как показывает мировой опыт, реваншизм проигравшей войну стороны способен сохраняться в течение долгого времени, и может исчезнуть или ослабнуть лишь тогда, когда у нее пропадет внутренняя надежда вновь выиграть войну — либо после повторного поражения, либо в результате осознания нереальности реванша¹⁵. Соответственно, неготовность к компромиссам и дискурс о возможности военного решения конфликта в краткосрочной перспективе практически безальтернативны для Азербайджана.

На позиции Азербайджана в карабахском вопросе негативно повлияли и косовский прецедент, и признание независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России — влиятельного международного актора и ядерной державы.

---

¹⁴ См. полный текст Мадридских принципов на официальном сайте Белого Дома: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Joint-Statement-on-the-Nagorno-Karabakh-Conflict/.

¹⁵ Ярким примером ослабления реваншизма проигравшей стороны в современных локальных конфликтах может служить Египет (и отчасти Иордания) в отношении к Израилю после серии поражений в войнах с израильтянами вплоть до 1973 г. И хотя по итогам Кэмп-дэвидских соглашений Израиль вернул Синайский полуостров, но главная и глобальная цель тогдашнего египетского руководства — полное уничтожение Государства Израиль, к которой в свое время Египет стремился, наверное, больше всех в арабском мире, теперь уже перестает восприниматься как таковая официальным Каиром. В результате, Египет в настоящее время поддерживает с еврейским государством довольно тесные отношения в торгово-экономической и даже туристической сферах.

Проблема для Азербайджана здесь не в возможных параллелях с Карабахом в правовой или политической плоскостях, а в возросшей легитимности создания новых государств в глазах международного сообщества и мировых держав.

«Пятидневная война» между Россией и Грузией в августе 2008 г., ставшая для Грузии «блицкригом наоборот», была также воспринята в Баку как крайне негативный прецедент. Крах сценария Сербской Краины в Южной Осетии и Абхазии, потеря Грузией в обозримой перспективе надежды на восстановление своей юрисдикции над двумя сепаратистскими автономиями, многочисленные жертвы и деморализация грузинской армии – все это вызвало к жизни неизбежные параллели с перспективой ведения войны в зоне карабахского конфликта. «Пятидневная война» привела и к реанимации в общественном восприятии Азербайджана «русской угрозы». На последствия войны наложилось резкое падение цен на нефть во второй половине 2008 г. Подписанная 2 ноября 2008 г. Московская (Майендорфская) «Декларация трех президентов» по Нагорному Карабаху, по которой официальный Баку взял на себя обязательство по урегулированию карабахского конфликта «мирными методами», также зафиксировала новый статус-кво на Южном Кавказе, повысив цену возобновления боевых действий в оценках азербайджанского руководства.

В таких условиях политика Азербайджана в карабахском вопросе включает в себя очень широкий диапазон различных периферийных действий, в том числе не только пропагандистских и дипломатических усилий и блокады коммуникационных путей Армении (при сохраняющемся вовлечении Турции в этот процесс), но и использования противоречий основных внешних игроков в регионе, а также торпедирования попыток налаживания регионального

сотрудничества на Южном Кавказе. Поскольку Азербайджан обладает финансовыми ресурсами для осуществления своей политики, она протекает интенсивно и охватывает самые разные сферы, от высокой политики до конкурсов песни.

3.2. Армения: комплементаризм и диаспора

Движение в поддержку Карабаха стало одной из концептуальных основ новой независимой армянской государственности; без этого движения невозможно представить себе сегодняшнюю Республику Армению. Значительную часть политической и военной элиты нынешней Армении составляют активисты карабахского движения, бывшие участники боевых действий или же просто выходцы из Карабаха и армянонаселенных регионов Советского Азербайджана. Борьба за независимость Карабаха, начавшаяся на закате советской эры, для современной армянской политической элиты имела не меньшее значение, чем борьба с коммунистическим режимом за независимость Армении.

Бремя нерешенного карабахского конфликта, экономические издержки транспортной блокады и необходимость поддержания военного баланса ввиду угрозы возобновления боевых действий, естественно, тормозят политическое и социально-экономическое развитие Армении. Ввиду неготовности сторон к компромиссам, на урегулирование отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе рассчитывать не приходится. Соответственно, Армения пытается налаживать отношения с внешними акторами в отрыве от карабахского фактора. Кроме того, армянская политическая элита надеется, что региональная интеграция и установление в регио-

не более доверительных отношений в перспективе создадут поле для налаживания сотрудничества и с Азербайджаном (именно в этой сфере лежал незавершившийся проект армяно-турецкой нормализации).

Вместе с тем, Армения использует карабахский фактор и как ресурс своей внешней политики, привлекая внимание европейских организаций и мировых держав к Южному Кавказу именно в силу наличия неурегулированного карабахского конфликта. Фактор конфликта используется для поддержания информационного и политического интереса к региону, а также стимулирования экономической помощи и политического содействия. В сущности, Ереван «эксплуатирует» тему карабахского конфликта для повышения геополитической роли Армении как в региональном формате, так и на общеевропейском уровне.

Другая составляющая политики Еревана в карабахском конфликте — так называемый внешнеполитический «комплементаризм», то есть попытка балансировать между интересами различных акторов, в том числе и находящихся в натянутых или даже враждебных отношениях между собой (как Россия и Грузия, США и Иран). В контексте карабахского конфликта успешному балансированию способствует и тот факт, что Азербайджан не рассматривается как столь же безусловно прозападное и заслуживающее поддержки Западом государство, как Грузия. Армении же, при ее союзнических отношениях с Россией, благодаря комплементаризму удается не выглядеть в глазах Запада однозначно пророссийской страной. В результате Нагорный Карабах в восприятии западной политической элиты не стоит в одном ряду с Абхазией, Южной Осетией или Приднестровьем, воспринимаемым как российские протектораты и атавизмы российской имперской политики.

Кроме того, у Армении есть ресурс, который помогает ей реализовывать свою комплементарную политику, уравнивает Азербайджан в сфере политического лоббинга и способствует притоку в Армению экономических и финансовых ресурсов. Это рассеянная по всему миру достаточно многочисленная армянская диаспора, занимающая сильные позиции в экономической, социальной, культурной и политической жизни некоторых стран своего проживания¹⁶. По иронии судьбы, особенно крупные и влиятельные армянские диаспоры сосредоточены в трех странах-сопредседателях Минской группы ОБСЕ (США, Франции и России). Политические ресурсы диаспоры дают Еревану и Степанакерту возможность влиять на подходы внешних акторов в карабахском урегулировании, иногда даже совмещая кажущиеся несовместимыми позиции Вашингтона, Москвы, Парижа и Брюсселя. В результате, Соединенные Штаты, страна-сопредседатель Минской группы, являются второй после самой Армении страной, оказывающей прямую финансовую помощь Нагорному Карабаху. Другой сопредседатель – Россия – главный военно-политический союзник и партнер Армении в военнотехнической сфере, а третий – Франция – основной лоббист Армении на европейской площадке, страна с традиционно глубокими культурными и общественными связями с Арменией.

Гонка вооружений, разумеется, тяжким бременем ложится на ограниченные экономические возможности Армении. Что же до опасности новой войны, то в Армении по-

---

¹⁶ Об армянской диаспоре см. подробнее: Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян, *Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии*. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

лагаются на военный баланс и техническую невозможность блицкрига в Карабахе, а также на тот факт, что по мере наращивания гонки вооружений вероятность начала боевых действий в зоне конфликта снижается. Эта закономерность хотя и несколько парадоксальна, но хорошо знакома еще со времен Холодной войны и широко изучена в политической науке. Вступает в силу механизм так называемого взаимного сдерживания, когда в силу высокой поражающей силы военных потенциалов вовлеченных в конфликт сторон любые выгоды от начала боевых действий для страны, начавшей военные действия, не смогут оправдать понесенные ею людские и материальные потери, не говоря уже о политических последствиях для нее в результате негативной реакции международного сообщества (см. подробнее в главе 5).

3.3. Нагорный Карабах: вопросы права и безопасности

Позиция Нагорного Карабаха основана на идее легитимности и закономерности его борьбы за независимость по аналогии со многим случаями из мировой практики, таким, как Косово, Кипр, Эритрея и т.д. При этом в Карабахе настаивают на том, что к карабахскому конфликту должен применяться не принцип нерушимости границ (поскольку речь идет об административных границах, установленных по произволу Сталина и являющихся пережитком советского режима), а два других принципа международного права: права наций на самоопределение и неприменения силы при решении международных споров и конфликтов¹⁷.

---

¹⁷ Дополнительную аргументацию позиция Карабаха получила после вердикта 22 июля 2010 г. Международного суда ООН относительно соответствия международному праву одностороннего провозглашения Косово своей независимости.

Карабахские элиты апеллируют к тому, что в истории еще не было примеров, чтобы народ, победивший в войне за независимость и в течение двух десятилетий успешно строящий свою государственность, добровольно отказался от этих своих достижений. Соответственно, переговоры об урегулировании конфликта должны, по их мнению, вестись при участии официального Степанакерта, поскольку достигнутые без его согласия договоренности все равно не смогут быть реализованы.

В контексте переговоров ключевой для Карабаха является физическая безопасность его населения. На фоне опыта инициированных Азербайджаном военных действий и депортаций армянского населения в первой половине 1990-х гг., а также постоянно звучащих из Баку военных угроз, Карабах хочет получить гарантии безопасности, как минимум равнозначные имеющимся, прежде чем пойти на компромисс с Азербайджаном. Нынешние гарантии безопасности Карабаха – это укрепленные и удобные для обороны границы, наличие транспортного коридора, связывающего Карабах с Арменией, а также буферной зоны вокруг административных границ Карабаха советского периода. При этом линия боевого соприкосновения карабахской и азербайджанской армии с севера ограничивается труднопроходимым Мравским хребтом, а с юга – границей с Ираном. Тем самым в несколько раз укорачивается линия фронта, что может позволить карабахской армии с меньшими силами устоять против нападения более многочисленной азербайджанской армии.

Жесткая позиция Карабаха в конфликте строится на том, что вывод карабахских подразделений хотя бы из одного района по периметру границ Нагорного Карабаха ослабит линию обороны и – в отсутствие окончательного

мирного соглашения – повысит реальность возобновления боевых действий, усилив искушение военного реванша со стороны Азербайджана в более выгодных для него условиях. На сегодняшний день укрепленная линия границ, прорыв которой потребует значительных потерь, является (наряду с бескомпромиссной позицией международного сообщества, отрицающей саму мысль о военном решении конфликта) самой действенной гарантией невозобновления боевых действий.

При этом равнозначной заменой имеющихся гарантий безопасности в Карабахе считают лишь согласие Баку на независимость Карабаха (или схожий статус) с заранее прописанным политико-правовым механизмом ее достижения, например, путем дополнительного плебисцита при наблюдении международных посредников и последующим признанием международным сообществом и самим Азербайджаном.

При всем том Карабах в последнее время стремится выйти из международной изоляции и участвовать в региональных проектах. Уже понятно, что изоляция Карабаха от международного сообщества лишь отдалает перспективу примирения с Азербайджаном, формируя у карабахцев синдром осажденной крепости и неготовности к компромиссам.

4. Региональное и международное измерение карабахского конфликта

4.1. Посредники, великие державы и Европейский Союз

Подходы как региональных, так и глобальных акторов в карабахском конфликте вполне типичны для этнополитических конфликтов. Как и в других случаях, в карабахском конфликте одновременно проявляются жесткое соперничество и искреннее сотрудничество участвующих в переговорном формате великих держав и государств-посредников, ревнивое отношение соседей по региону как к конфликтующим сторонам, так и к активному вовлечению внешних акторов, классическое использование сторонами всего спектра механизмов военно-политического и экономического давления, и т.д.

Вместе с тем, существующий формат реального переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха, осуществляющийся под эгидой и при посредничестве Минской группы ОБСЕ, представляет собой довольно нетипичный случай сотрудничества государств, по другим вопросам жестко конкурирующих между собой на глобальной арене и

конкретно на постсоветском пространстве. Минская группа ОБСЕ по карабахскому урегулированию была создана в 1992 г. Формат сопредседателей МГ ОБСЕ включает Россию, США и Францию (в случае с последней предусматривается, что французский сопредседатель также в определенной степени выражает позицию ЕС)¹⁸, притом что интересы и политики этих трех стран в глобальном масштабе и на постсоветском пространстве зачастую не только конкурируют, но и вступают в открытое противоречие. Это происходит даже непосредственно в регионе Южного Кавказа, в частности, в связи с Грузией, где США и ЕС могут открыто противостоять или же выстраивать свою политику по отношению к России на грани открытой конфронтации, а по соседству, в том же кавказском регионе, иметь схожие подходы к процессу мирного урегулирования карабахского конфликта и даже консенсусное мнение по вопросу о недопущении развязывания новых боевых действий в Карабахе. Такая уникальная и в то же время осознанная реалистичная политика трех сопредседателей позволяет сохранить и продолжать чрезвычайно трудный процесс переговоров в условиях неготовности обществ и политических элит самих конфликтующих сторон к каким-либо реальным компромиссам.

Вполне естественно, что подходы основных внешних акторов к карабахскому конфликту определяются в том числе и их собственными интересами на Южном Кавказе и в прилегающих регионах. Это могут быть интересы в сфере как энергетики и коммуникаций (что актуально, например, для США и Франции), так и безопасности и геополитиче-

---

¹⁸ См. подробнее: “Conflict Resolution in the South Caucasus: The EU’s Role”, *Europe Report No173*, International Crisis Group, 20 March 2006.

ского доминирования (как в случае с Россией и США, а также региональными державами – Ираном и Турцией). Кроме того, на подходах внешних акторов к карабахскому конфликту сказываются и соображения иного порядка: идеалы и принципы демократии и интеграции (четко проявляющиеся в позициях европейских стран и организаций, в том или ином формате вовлеченных в процессы урегулирования – например, Совета Европы или ОБСЕ), а также историческая и культурная близость к тем или иным государствам Южного Кавказа (что особенно актуально в случае с Россией и Турцией).

В этом плане примечательны попытки Европейского Союза играть более активную роль в регионе. Конечно, бюрократическим структурам (а ЕС, безусловно, таковой является) свойственна инерционность и неповоротливость, и особенно в сфере внешней политики. Однако изменившиеся после «Пятидневной войны» августа 2008 г. реалии на Южном Кавказе сказались и на региональной политике Брюсселя. Одновременно в европейских странах на экспертном уровне стали появляться высказывания в пользу пересмотра подходов Брюсселя к населению непризнанных республик Южного Кавказа¹⁹. Необходимость большего вовлечения населения де-факто государств в проекты ЕС аргументируют в том числе и тем, что это предотвратит их вовлечение в политическое и экономическое пространство России. И если раньше геополитические пристрастия Брюсселя в отношении конфликтных регионов были скорее на стороне «бывших метрополий» (во всяком случае, на

---

¹⁹ См. например: Walter Kaufmann, “A European Path for Abkhazia: Yesterday’s Pipe Dreams? ”, *Caucasus Analytical Digest*, No7, 25 June 2009 (available from www.res.ethz.ch/analysis/cad).

примере Грузии), то теперь ситуация скорректировалась. Де-факто государства Южного Кавказа, прежде подвергавшиеся изоляции со стороны ЕС, выигрывают от новой европейской политики, поскольку она способствует сохранению сложившегося статус-кво в региональных конфликтах независимо от их конфигурации.

И у руководства ЕС, и у общественности европейских стран есть четкие ценностные приоритеты относительно формата урегулирования конфликтов. Первый приоритет — недопущение военной эскалации и возобновления боевых действий. В условиях невозможности достижения в обозримом будущем компромиссного урегулирования ни в одном из этнополитических конфликтов на Южном Кавказе, такой подход способствует их заморозке. Это в прямых интересах тех акторов региональной политики, которым выгодно сохранение создавшегося статус-кво (т.е. де-факто государствам, а также поддерживающей Нагорный Карабах Армении). Другой важный приоритет политики ЕС на Южном Кавказе — стимулирование региональной интеграции. Однако и активизация регионального сотрудничества, и открытие границ, и налаживание коммуникаций также будут способствовать сохранению статус-кво в конфликтах, поскольку до сих пор расчет делался на то, что именно стремление выйти из изоляции подвигнет сепаратистские государства на компромиссы.

Что же до прагматических соображений, то ЕС крайне озабочен судьбой действующих и проектируемых региональных энергетических проектов. Для безопасного функционирования всех нефтепроводов и газопроводов, проходящих в обход России через территорию Южного Кавказа, возобновление боевых действий в зоне карабахского конфликта является для ЕС первостепенным условием.

Есть и косвенные результаты вовлечения ЕС в региональную безопасность и стабильность, напрямую влияющие на ситуацию вокруг конфликта. Например, это гуманитарные и экономические проекты Евросоюза, способствующие реабилитации беженцев, снижению уровня бедности и социальной напряженности, усилению гражданского контроля над вооруженными силами и силовыми структурами, строительству политических институтов и дальнейшей демократизации в государствах Южного Кавказа. Все это в том числе и снижает напряженность в конфликтных зонах.

И, наконец, реализуемые ЕС проекты на уровне институтов гражданского общества создают некую новую европеизированную элиту в общественно-политических и медийных кругах Южного Кавказа. Находясь в финансовой и институциональной зависимости от европейских проектов и грантов, представители этих кругов хотя бы на пропагандистском уровне выступают с более конструктивных и миролюбивых позиций в вопросе урегулирования этнополитических конфликтов. Это снижает воинственную риторику в обществах сторон и повышает уровень толерантности, что также в какой-то мере способствует консервации и сохранению статус-кво в региональных конфликтах.

При всем том карабахский конфликт не находится в центре внимания мирового сообщества, которое осуществляет контроль над процессом урегулирования через сравнительно небольшой формат трех сопредседателей и нескольких военных наблюдателей вместе с личным представителем действующего председателя ОБСЕ послом Анджеем Каспршиком. Малобюджетное и немногочисленное вовлечение международных структур в переговорный процесс под эгидой ОБСЕ является показателем не столько того,

что проблема находится на периферии мировой политики, сколько того, что международное сообщество не считает конфликт настолько острым и опасным (по сравнению со многими остальными аналогичными конфликтами и проблемами), чтобы уделять ему повышенное внимание.

4.2. Региональный контекст

Региональный контекст также оказывает достаточно серьезное влияние на развитие карабахского конфликта, причем довольно разнонаправленное. Ведь все непосредственные соседи сторон конфликта по региону имеют свои собственные интересы и свои подходы, отчасти переплетающиеся или же наоборот, вступающие в противоречие с логикой переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха.

Иран в этом плане представляет собой достаточно удачный пример прагматизма. Будучи исламским государством и зачастую выступая с позиций исламской солидарности в других этнополитических конфликтах, Иран сохраняет довольно сбалансированные и прагматичные позиции в карабахском конфликте и сотрудничает с Арменией в экономической и коммуникационной сферах²⁰. После неудачной попытки Ирана в мае 1992 г. выступить посредником в карабахском конфликте, Тегеран больше не проявляет повышенного интереса к участию в переговорах, но при этом внимательно следит за всеми происходящими вокруг Карабаха политическими процессами, ревниво реагируя на активизацию американских инициатив в регионе. В центре особого внимания Тегерана постоянно находится судьба

---

²⁰ Brenda Shaffer, "Is There a Muslim Foreign Policy? The Case of the Caspian", *Current History*, November 2002, pp. 383-386.

приграничных с Ираном территорий, находящихся под контролем Нагорного Карабаха, в контексте чрезвычайно актуальной для иранского государства проблемы т.н. «Южного и Северного Азербайджана».

Позиция Грузии в отношении карабахского конфликта двояка. Хотя Грузия стремится вести себя максимально нейтрально в карабахском конфликте, однако с учетом ее напряженных отношений с Россией, стратегического партнерства между Арменией и Россией, а также схожести статуса Грузии как бывшей «метрополией», потерявшей свои автономии советского периода (Абхазию и Южную Осетию) со статусом Азербайджана, официальный Тбилиси в своих оценках и действиях зачастую занимает скорее проазербайджанскую позицию. В тоже самое время Грузия получает значительные дивиденды от неурегулированности конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Например, проекты транспортировки каспийской нефти и газа из Азербайджана в Турцию - «Баку-Тбилиси-Джейхан» и «Баку-Тбилиси-Эрзерум» - не прошли бы через территорию Грузии, если бы не наличие неурегулированного карабахского конфликта, в результате которого Баку настаивал на прокладке этих трубопроводов в обход Армении.

Урегулирование карабахского конфликта снизит региональную значимость Грузии, лишит ее тех экономических и политических преимуществ, которые получает Тбилиси в условиях наличия конфликта между двумя ее соседями по региону Южного Кавказа. Даже изменение общего фона вокруг карабахского конфликта, как опасаются многие в Грузии, может негативно сказаться на монопольном региональном положении Грузии. Например, как указывают грузинские эксперты, в Грузии существует ощущение того, что в случае армяно-турецкого сближения, открытия границ и

коммуникаций Тбилиси потеряет «свою привилегированную позицию» в региональных транзитных и экономических проектах. Хотя грузинские эксперты также выражают надежду, по их мнению, что открытие армяно-турецкой границы снизит российское военно-политическое присутствие в Армении и в целом на Южном Кавказе, что исходит из интересов Грузии²¹.

4.3. Турция и карабахский конфликт

Турецкий вектор в региональном контексте следует рассмотреть отдельно, с учетом того, что армяно-турецкий процесс, инициированный Арменией летом 2008 г. и ускоренный «Пятидневной войной» между Грузией и Россией, сказался на общем политическом фоне вокруг карабахского конфликта и на его долгосрочных перспективах. В силу этнической, языковой и религиозной близости с Азербайджаном, Турция всегда поддерживала его в карабахском конфликте: во время военной фазы конфликта в 1992-1994 гг. — оружием и военными советниками, а в последующий период — на политическом и дипломатическом уровне²². Тем не менее, в 2008-2010 гг. между Анкарой и Ереваном состоялась попытка сближения, ставшая известной как «футбольная дипломатия»²³.

Одним из основных факторов, побудивших Ереван попытаться нормализовать отношения с Анкарой, являлось

---

²¹ Gia Nodia, “How Much Has the World Changed? Implications for Georgia’s Policies”, *CIPDD Policy Review*, April 2009, p.9.

²² См. подробнее: Айк Демоян, *Турция и карабахский конфликт*. Ер., 2006.

²³ См. подробнее об армяно-турецком процессе: Александр Искандарян, Сергей Минасян, «Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №1, январь 2010. Ереван, 2010.

желание добиться разблокирования армяно-турецкой границы, что свело бы на нет эффект блокады Армении со стороны Азербайджана. Естественно, последовала резкая реакция Азербайджана, приведшая к сильнейшей за всю историю череде кризисов в двусторонних отношениях между Баку и Анкарой и сильно ограничившая гибкость турецких политиков в отношениях с Арменией. Понимая озабоченность Азербайджана, Турция пыталась выйти из положения, давая понять, что улучшение отношений с Арменией будет в той или иной степени обуславливаться урегулированием карабахской проблемы в выгодной для Азербайджана комбинации (притом что ни в каких документах, подписанных двумя странами в ходе попытки сближения – ни в заявлении о Дорожной карте, ни в Цюрихских армяно-турецких протоколах – нет никакого упоминания ни о Карабахе, ни об Азербайджане). Именно эта конструкция и завела ситуацию в тупик²⁴. Ереван еще в самом начале «футбольной дипломатии» заявил, что не пойдет на односторонние уступки в карабахском вопросе в обмен на нормализацию отношений с Турцией. Во время встречи с турецкими журналистами в декабре 2009 г. министр иностранных дел Армении Э.Налбандян сказал, что если бы увязка нормализации отношений с Турцией с карабахской проблемой существовала с самого начала процесса примирения, он вообще не начался бы²⁵.

И хотя в конце апреля 2010 г. Армения заморозила свое участие в армяно-турецком процессе ввиду нежелания Турции ратифицировать Цюрихские протоколы, тем не ме-

---

²⁴ См. подробнее: Alexander Iskandaryan, “Armenian-Turkish Rapprochement: Timing Matters”, *Insight Turkey*, vol.11, N.3, 2009.

²⁵ *Armenian FM Meets With Turkish Journalists*, <http://news.am/en/news/10947.html>, 12.12.2009.

нее, этот процесс уже изменил весь контекст вокруг карабахского конфликта. Это пусть и недолговременное, но серьезное охлаждение в отношениях Азербайджана с его основным партнером в военно-политической сфере – Турцией, а также заморозка на продолжительный период реального переговорного процесса по Нагорному Карабаху, оставшаяся малозамеченной на фоне интереса мировых игроков к армяно-турецкому процессу²⁶.

По итогам процесса Турция вернулась в позицию заложницы Азербайджана в регионе, лишенной права играть сколь-нибудь самостоятельную роль на армянском направлении, поскольку любой шаг Анкары по пути нормализации отношений с Ереваном приводит к обострению в азербайджано-турецких взаимоотношениях. Так, после подписания в Цюрихе 10 октября 2009 г. армяно-турецких протоколов и ответного визита президента С.Саргсяна в Турцию для просмотра футбольного матча, в Баку были сняты турецкие флаги перед представительствами турецких компаний и памятником погибшим во взятии города в 1918 г. турецким солдатам периода Османской империи, а протестующие против турецких властей демонстранты жгли турецкие флаги на улицах Баку.

Между тем игра с нулевой суммой, где улучшение отношений Анкары с Ереваном на определенное количество пунктов автоматически на столько же ухудшает уровень азербайджано-турецких взаимоотношений, – далеко не единственная модель взаимоотношений в политическом треугольнике Армения-Азербайджан-Турция. Кроме всего

---

²⁶ О последних развитиях в армяно-турецком процессе вплоть до конца так называемой «футбольной дипломатии» см. подробнее: Aybars Gorgulu, Alexander Iskandaryan, Sergey Minasyan, “Assessing The Rapprochement Process”, *Turkey-Armenia Dialogue Series*, TESEV-CI, Istanbul, May 2010.

прочего, Азербайджан не может позволить себе всерьез испортить отношения с Турцией, поскольку зависит от нее не меньше, чем она от него — и в региональных энергетических проектах, и в политической сфере. А общее смягчение региональной ситуации после открытия армяно-турецкой границы могло бы в целом снизить риски безопасности на Южном Кавказе, что в конечном счете выгодно всем игрокам. Так, Азербайджан успешно поддерживает добрососедские отношения с Россией, которая имеет на территории Армении военную базу, состоит с ней в одной военно-политической организации ОДКБ и оказывает Еревану военно-техническую помощь.

Что же касается переменных попыток Турции выступить с посредническими инициативами по карабахскому урегулированию или же изменить переговорный формат (как, например, в мае-июне 2010 г., когда после заморозки армяно-турецкого процесса Анкара безуспешно попыталась вовлечься в переговорный процесс), то они заранее обречены на провал, так как в условиях продолжающейся блокады Армении со стороны Турции и сохраняющегося военно-технического и военно-политического сотрудничества Анкары и Баку, Турция не может восприниматься ни Арменией, ни тремя странами-сопредседателями как беспристрастный актер и посредник. Следовательно, все эти инициативы и заявления турецких официальных лиц будут фигурировать лишь в информационно-пропагандистской сфере, а на ход переговорного процесса повлиять не смогут.

5. Военно-политическое измерение конфликта

5.1. Соотношение военно-технических, политических и количественных параметров в общем военном балансе

До тех пор, пока в зоне карабахского конфликта не заключено мирного соглашения между всеми сторонами и пока одна из сторон продолжает сохранять надежду на реванш и возвращение Карабаха под свой контроль, вероятность возобновления боевых действий (не важно, реальная она или гипотетическая) будет сохраняться. С учетом сомнительности достижения сторонами в обозримом будущем компромиссного урегулирования, военно-политический и военно-технический баланс будет оставаться важнейшим элементом, необходимыми для анализа дальнейших перспектив карабахского конфликта. Исходя из этого, понятие военно-политический баланс является ключевым термином/элементом карабахского конфликта, т.к. в первую очередь именно от комплексного соотношения силовых потенциалов противоборствующих сторон зависит и сама вероятность возобновления (или невозобновления) боевых действий, и их возможный исход.

При этом необходимо сразу же подчеркнуть, что понятие военный баланс абсолютно не означает, что он зависит исключительно от количественно-арифметического соотношения вооруженных сил противостоящих сторон, от численности их личного состава и имеющегося у них вооружения и военной техники (ВВТ). В военной истории человечества ни один исход войн и конфликтов не решался только простым численным соотношением вооруженных сил противоборствующих сторон. Иначе все войны в истории человечества велись бы не солдатами на поле боя, а математиками при подсчете цифр в тиши своих кабинетов. Теория военного искусства в настоящее время не содержит «удовлетворяющих практику количественных законов, имеющих адекватное математическое выражение, необходимое для точного прогнозирования хода вооруженной борьбы»²⁷.

Иными словами, военная наука еще не выработала четкого ответа о роли количественного фактора при анализе и сравнении материальных и нематериальных компонентов соотношения сил противоборствующих сторон, влияющих на исход войн и сражений. В военной истории человечества нередки случаи, когда значительно уступающая по численности и вооружению сторона побеждала у количественно превосходящей войну в казалось безнадежных ситуациях. Кстати, военная фаза карабахского конфликта в 1992-1994 гг., когда Нагорный Карабах с населением в 140 тыс. человек (при поддержке 3 миллионной Армении) смог не только противостоять Азербайджану с его почти 7 млн. населением, но и выиграть у превосходящего по всем количе-

---

²⁷ М.Ф.Ваккаус, «Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер», *Военная мысль*, №3, 2008, с.71.

ственным параметрам и намного лучше вооруженного противника, является достаточно наглядным тому примером²⁸.

Поэтому военный баланс и анализ силовых потенциалов сторон конфликта необходимо рассматривать в едином комплексе, с учетом как политической, так и военно-технической, экономической и морально-психологической составляющих. То, что скажем Азербайджан постоянно заявляет о своей готовности начать войну исключительно в силу того, что у него численно большие вооруженные силы, большой демографический потенциал и значительные доходы от продажи энергоресурсов, абсолютно не означает, что он эту войну вообще начнет, а если даже и начнет, не потерпит в ней такое же поражение, как в прошлый раз в 1992-1994 гг.

В ситуации карабахского конфликта политический и геополитический факторы играют не меньшую сдерживающую роль, как на саму вероятность возобновления боевых действий, так и на ее вероятный исход. Политическая составляющая военного баланса сторон в зоне карабахского

---

²⁸ По самым приблизительным подсчетам, только в результате раздела вооружений и военного имущества бывшей Советской Армии в 1991 – 1993 гг. Азербайджану досталось в несколько раз больше вооружений и боеприпасов, чем армянским сторонам. По признанию азербайджанского эксперта А.Юнусова, к началу боевых действий Азербайджану получил от российских войск, дислоцированных на его территории, более чем в 20 раз больше боеприпасов, чем Армения и Нагорный Карабах. См. подробнее: Arif Yunusov. “Azerbaijan: The Burden of History – Waiting for Change”, in Anna Matveeva and Duncan Hiscock (ed), *The Caucasus: Armed and Divided*, Saferworld, London, April 2003, p.54. Кроме этого, уже в период боевых действий в 1992-1994 гг. Баку дополнительно закупил или получил в виде помощи в Украине, Турции, Иране и других странах большое количество вооружения и военной техники. См. подробнее: *Armament and Disarmament in the Caucasus and Central Asia*, SIPRI, Stockholm, 2003; Сергей Минасян, «Некоторые военно-технические аспекты региональной безопасности Южного Кавказа: проблемы ограничения и контроля над вооружениями и военной деятельностью», *Кавказский сборник*, Т.2 (34), МГИМО (Университет) МИД России, М., 2005.

конфликта включает в себя и фактор членства Армении в единственном в настоящее время институционально присутствующем в регионе военно-политическом блоке — ОДКБ (усилившей в последнее время свой потенциал после формирования этой организацией Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ), и двустороннее армяно-российское военно-политическое сотрудничество, и вхождение Армении в единую систему ПВО СНГ в Кавказском регионе с участием соответствующих сил и средств ВС Армении и России.

Фактически, Армения является единственным государством Южного Кавказа, входящее в многосторонний военно-политический союз и имеющее гарантии безопасности и взаимной обороны от третьего государства — ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Азербайджан такого рода союзных отношений не имеет ни с одним из государств мира, и даже его взаимодействие с Турцией в сфере безопасности и обороны на данный момент не идет дальше льготного военно-технического сотрудничества, программ обучения, взаимных консультаций и предоставления советников. Да и сама Турция, исходя из своих политических приоритетов, отнюдь не заинтересована (пока является членом НАТО и ввиду этого ограничена рамками Североатлантического Альянса по вовлечению во внешние конфликты) в прямом военном столкновении с членом ОДКБ и военным союзником России — Арменией.

Другим важным элементом политической составляющей военного баланса в зоне карабахского конфликта является например то, что у Баку нет также и особых надежд на некие «геополитические качели» в регионе, т.к. военно-политическое сотрудничество Армении и России за весь постсоветский период так и не привело к однозначной обратной

поддержке Азербайджана со стороны США, НАТО и большинства государств Европейского Союза. В силу проводимой Ереваном политики комплементаризма, Армения – член ОДКБ и главный военно-политический союзник России на Южном Кавказе, одновременно рассматривается со стороны западных стран как важный партнер в сфере безопасности.

Итоги «Пятидневной войны» между Россией и Грузией в августе 2008 г. в достаточной мере показали степень решимости Москвы по силовому отстаиванию своих интересов в регионе. Поэтому очевидно, что при политических обстоятельствах, в результате которых на стороне Армении (следовательно – и Карабаха) против Азербайджана в возможных боевых действиях может выступить Россия или же будут задействованы механизмы ОДКБ (и в частности – КСОР ОДКБ) дальнейший анализ количественного соотношения военных потенциалов сторон будет иметь лишь познавательный и теоретический смысл. Противостоять в военных действиях одновременно против Нагорного Карабаха, Армении, а также РФ с его союзниками по ОДКБ Азербайджан будет не в состоянии, вероятный исход боевых действий будет более чем предсказуемым.

Поэтому в данной работе прикладной смысл имеет анализ военного баланса в зоне карабахского конфликта лишь в треугольнике Азербайджан – Армения – Нагорный Карабах, с подробным описанием основных военно-технических и стратегических параметров возможных боевых действий в случае их гипотетического возобновления. При этом нами рассматривается такая гипотетическая ситуация возобновления боевых действий, когда Азербайджан инициирует боевые действия не только в зоне карабахского конфликта, но и втягивает в них и Республику Армения. Очевидно, что для Азербайджана агрессия против Армении будет автоматичес-

ки означать вступление в силу положений Устава ОДКБ (о взаимной защите остальными странами-участниками члена ОДКБ, подвергшегося агрессии со стороны третьего государства), что создает возможность для вовлечения в конфликт на стороне Армении также России и других государств ОДКБ. В Баку осознают это достаточно четко²⁹.

Исходя из политических факторов, в Баку предпочли бы, чтобы в случае возобновления боевых действий они велись бы только вокруг территории самого Нагорного Карабаха. Но представляется, что в случае начала боевых действий в Нагорном Карабахе практически неизбежно их распространение вдоль границ Армении и Азербайджана, т.к. даже локальные стычки и перестрелки способны перерасти в полномасштабную войну. При этом, чисто с военной точки зрения, одновременное начало Азербайджаном широкомасштабных боевых действий и против Нагорного Карабаха и против Армении вполне логично и целесообразно, т.к. растягивает линию боевого соприкосновения сторон, что выгодно более многочисленной азербайджанской армии. С учетом же возможных ударов азербайджанской армии со стороны Нахичевана затрудняются также поставки резервов и боеприпасов карабахским войскам, возникает угроза коммуникациям между Арменией и Нагорным Карабахом.

5.2. Анализ военно-технического потенциала сторон

После заключения перемирия в мае 1994 г. все стороны, вовлеченные в карабахский конфликт, провели значительную

---

²⁹ Полад Бюльбюлюглу: «ОДКБ может вмешаться, если Азербайджан нарушит территориальную целостность Армении», *Радио «Азадлыг»*, www.azadliq.org, 29.12.2009.

работу по укреплению своих вооруженных сил и приобретению нового вооружения и военной техники. Особенно далеко в этой сфере продвинулся Азербайджан. Были проведены структурная реорганизация и техническое перевооружение ВС Азербайджана, и в настоящее время они значительно превосходят по боеспособности азербайджанскую армию периода карабахской войны 1992–94 гг.

Официальная статистика военных потенциалов Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха³⁰ не вполне отражает реальность, т.к. она в первую очередь основывается на данных, предоставляемых международно признанными государствами Южного Кавказа (т.е. Арменией и Азербайджаном) в рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и Венского документа ОБСЕ о мерах по укреплению доверия и безопасности. Эти официальные данные по ВВТ, а также экспорте и импорте оружия и военных технологий не всегда соответствуют действительности, поскольку в условиях неурегулированного регионального конфликта эти государства скрывают, занижают или искажают данные о своих вооруженных силах³¹.

Кроме этого, специфика и несовершенство механизмов ДОВСЕ позволяет государствам-участникам занижать

---

³⁰ См. подробнее: *UN Register of Conventional Arms* (http://disarmament.un.org/UN_REGISTER.nsf); *The Military Balance 2009/2010*. IISS: London, 2009; Varabanov M., "Nagorno-Karabakh: Shift in the Military Balance", *Moscow Defense Brief*, №2 (12), 2008.

³¹ Экспертные оценки, приближенные к реальной ситуации с военным балансом в зоне карабахского конфликта, можно найти: Александр Храмухин, «На Кавказских фронтах ситуация патовая. Пока...», *Независимое военное обозрение*, 15.01.2010. Ср.: Сергей Минасян, «Военно-политические аспекты карабахского конфликта на современном этапе», *Внешне-политические аспекты Карабахского конфликта*, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.

количество имеющегося у них ВВТ, формально передавая их другим силовым подразделениям (например, полицейским или пограничным частям). Тем самым, в реальности государства Южного Кавказа получают возможность иметь на вооружении большее количество ВВТ, чем это формально разрешается национальными предельными уровнями по ДОВСЕ³². Ситуация еще более усложнилась после моратория и выхода России из ДОВСЕ, что привело к фактическому коллапсу ДОВСЕ на постсоветском пространстве и активизации региональной гонки вооружений на Южном Кавказе³³.

Превосходя армянские вооруженные силы по численности личного состава и количеству ВВТ, ВС Азербайджана имеют ряд системных недостатков. В частности, им свойственен высокий уровень коррупции, судя по всему отражающийся на морально-психологическом состоянии военнослужащих³⁴. Кроме того, остается слабой подготовка личного состава; приобретаемые азербайджанскими офицерами западные военное образование и опыт пока не востребованы в масштабе всех вооруженных сил, тем более, что имеющаяся на вооружении азербайд-

---

³² О динамике трансфертов вооружений странами Южного Кавказа в 2005 – 2007 гг. см. подробнее: «Военно-политический баланс на Южном Кавказе в 2005 г.», *Кавказ-2005. Ежегодник Кавказского Института СМИ*. Ереван, 2007; Сергей Минасян, «Проблемы региональной безопасности и военно-политическая ситуация на Южном Кавказе в 2006 г.: гонка вооружений и баланс угроз», *Кавказ-2006. Ежегодник Кавказского Института СМИ*. Ереван, 2008; Сергей Минасян, «Проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе в 2007 г.: военный баланс и асимметрия политических стратегий», *Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа*. Ереван, 2009.

³³ См. подробнее: Сергей Минасян, «Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ», *Россия в глобальной политике*, №3, Май – Июнь 2008.

³⁴ См. подробнее: Azerbaijan: Defence Sector Management and Reform, *Europe Policy Briefing №50, International Crisis Group*, 29.10.2008.

жанской армии военная техника – преимущественно советского/российского производства. Министерство обороны Азербайджана с 1995 г. бессменно возглавляет Сафар Абиев – один из самых несменяемых министров обороны в мире³⁵.

В 2008 г. Международная кризисная группа (ICG) опубликовала краткий аналитический доклад (Policy Briefing) «Азербайджан: Управление и реформа оборонного сектора»³⁶ – первый за долгое время доклад о ситуации в вооруженных силах Азербайджана, подготовленный авторитетной международной аналитической организацией и претендующий на объективность. В докладе ICG отмечается, что особо высокий уровень коррупции, дедовщины, насилия со стороны офицеров и самые плохие условия службы наблюдаются в прифронтовых и приграничных частях вооруженных сил Азербайджана³⁷. С тех пор ситуация с неформальными отношениями в азербайджанской армии не изменилась к лучшему, время от времени происходят инциденты, в ходе которых азербайджанские военнослужащие убивают друг друга³⁸.

Естественно, аналогичные явления имеются и в вооруженных силах Армении и Карабаха, однако в силу особенностей повышенной мотивировки к воинской

---

³⁵ Liz Fuller and Richard Giragosian, “Azerbaijan’s Unsinkable General”, *RFE/RL Caucasus Report*, 14.03.2010 (http://www.rferl.org/content/Azerbaijans_Unsinkable_General/1983345.html#relatedInfoContainer).

³⁶ См. подробнее: Azerbaijan: Defence Sector Management and Reform.

³⁷ Там же.

³⁸ Например, 28 января 2010 г. два солдата срочной службы перестреляли практически весь офицерский состав дислоцированного в Дашкесане артиллерийского дивизиона, после чего, по официальной информации, «застрелили друг друга». См. подробнее: «Обнародованы имена погибших и раненых во время вооруженного инцидента в воинской части Азербайджана», *Day.az*, 29.01.2010.

службе у армян (особенно в Нагорном Карабахе) и фактора успешного для армянских сторон исхода боевых действий в 1992-94 гг., как отмечает эксперт Американского совета по внешней политике (AFPC) Уейн Мерри, вышеуказанные проблемы не стоят для них так остро, как в Азербайджане³⁹.

У Азербайджана имеется значительный перевес в авиации. На вооружении азербайджанских ВВС находится большое количество боевых самолетов и вертолетов (по различным оценкам, вместе с учебно-боевыми самолетами типа Л-29 и Л-39 – свыше 100 единиц). В их числе значительное количество штурмовиков Су-25, предназначенных для огневой поддержки сухопутных сил⁴⁰, и несколько фронтовых бомбардировщиков Су-24; и те, и другие весьма хорошо себя зарекомендовали в ходе многих локальных конфликтов и активно применялись Азербайджаном в военных действиях 1992-1994 гг. В последние годы Азербайджан приобрел у Украины модернизированные истребители МиГ-29 и учебно-боевые самолеты Л-39; в сотрудничестве с

---

³⁹ E. Wayne Merry, “Karabakh: Is War Inevitable?” *OpenDemocracy*, 22.05.2009 (available from www.afpc.org/publication_listings/viewArticle/667).

⁴⁰ Азербайджан официально декларирует о наличии у него на вооружении всего лишь 6 штурмовиков Су-25, однако по сведениям Регистра ООН по обычным вооружениям, предоставленным самим Азербайджаном, только в 2005 г. им было закуплено в Грузии 7 самолетов данной марки (6 Су-25 и 1 Су-25УБ). Кроме того, согласно официальной ноте МИД РА, в середине 1990-х гг. Азербайджан уже без уведомления Регистра ООН закупил на Украине еще 2 штурмовика Су-25. В ходе военного парада в Баку 26 июня 2008 г. было продемонстрировано не менее 9 штурмовиков Су-25, а экспертные оценки позволяют утверждать, что реальное количество указанных самолетов в составе ВВС Азербайджана значительно больше. Дополнительно еще 5 штурмовиков Су-25 было закуплено Азербайджаном в Беларуси уже в 2009 г. Один из штурмовиков Су-25 ВВС Азербайджана был потерян во время аварии в Шамкорском районе 3 марта 2010 г., пилот самолета, начальник штаба эскадрильи капитан-лейтенант Фамиль Мамедли погиб.

Украиной в Азербайджане был создан специализированный авиаремонтный и учебно-тренировочный центр ВВС.

Кроме того, у Азербайджана есть истребители МиГ-25 советского производства различных модификаций (не менее 30 единиц), предназначенные в основном для воздушных боев или глубинной разведки и не вполне приспособленные к действиям против наземных войск (хотя попытки использовать их для этого предпринимались в 1993-1994 гг. в Карабахе). Учитывая малую численность армянской авиации, применение азербайджанских МиГ-25 в возможных воздушных боях может быть весьма ограничено. Кроме того, МиГ-25, уже снятые с вооружения в самой России и в других странах мира, практически выработали свой летный ресурс, и из имеющихся у ВВС Азербайджана МиГ-25 боеспособны не более 10-12 самолетов.

ВВС Азербайджана противостоит сильная объединенная эшелонированная система ПВО Армении и Нагорного Карабаха, включающая зенитно-ракетные комплексы дальнего (С-300) и среднего радиуса действий (С-125, С-75, «Круг», «Куб»), зенитно-ракетные и зенитно-артиллерийские комплексы ближнего радиуса и переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) («Оса», «ОСА-АКМ» ЗСУ-23-4, «Игла», «Стрела»). Система ПВО Армении, совместимая с дислоцированными на ее территории подразделениями ВВС и ПВО российской 102-й военной базы (эскадрилья самолетов МиГ-29, 2 дивизиона ЗРК С-300В и 1 дивизион ЗРК «Куб»), позволяет достаточно надежно прикрыть ее воздушное пространство. Потенциал ПВО Армении может быть усилен поступлением на вооружение новых РЛС, выпускаемых предприятиями армянского ВПК, в частности, на базе модернизированной российской станции П-18.

Со второй половины 1990-х гг., с целью повышения возможностей своих ВВС по подавлению наземной ПВО, Азербайджан закупал противолокационные ракеты для оснащения самолетов Су-24 и МиГ-25. Кроме того, на вооружении азербайджанской армии появились беспилотные самолеты-разведчики (БПЛА) израильского производства (тактические БПЛА типа “Aerostar” и “Hermes-450”⁴¹, а также малого радиуса действия типа “Orbiter”), что может создать проблемы для армянской ПВО в зоне карабахского конфликта, как в силу возрастания разведывательных возможностей по обнаружению позиций армянских ЗРК, так и с учетом увеличения количества реальных и ложных воздушных целей в небе Карабаха в случае масштабного первого удара азербайджанской армии.

Опасность для армянской ПВО могут представлять внезапные ракетно-артиллерийские удары (особенно по стационарным объектам ПВО в Карабахе) РСЗО «Смерч» и «Lynx»⁴², тактических ракетных комплексов «Точка-У», дальнобойных буксируемых артиллерийских систем М-46, 2А36 «Гиацинт» и самоходных 203-мм орудий 2С7 «Пион»⁴³.

---

⁴¹ В 2008–2009 гг. в Израиле было закуплено 4 комплекса БПЛО “Aerostar” и 10 комплексов “Hermes-450”. Каждый комплекс включает в себя наземный пункт управления, аппаратуру для наземного запуска и 4–8 беспилотных летательных аппаратов

⁴² В 2004–2005 гг., в Украине было закуплено 12 РСЗО «Смерч» и как минимум 144 ракет к ним. В 2006–2009 гг. в Израиле было закуплено 6 ПУ РСЗО “Lynx” и 50 ракет “Extra” к ним. Указанные системы залпового огня имеют большую дальность стрельбы и достаточно высокую точность попадания.

⁴³ В 2002 г. Азербайджаном в Болгарии было закуплено 36 130-мм орудий М-46, а в 2008–2009 гг. в Беларуси – 12 203-мм самоходных орудий 2С7 «Пион». См. подробнее: http://unhq-appspub-01.un.org/UNODA/UN_REGISTER.nsf. Кроме этого, не менее 24 дальнобойных 152-мм орудий 2А36 «Гиацинт» досталось Азербайджану при разделе советского военного имущества из состава дислоцированной на его территории 4-й армии СА.

Кроме того, с учетом малой глубины карабахской территории (например, город Степанакерт находится всего в 30-40 км от линии фронта), ПВО Карабаха может быть уязвимой не только для удара ракетных комплексов и крупнокалиберных РСЗО, но даже и ствольной артиллерии азербайджанской армии, тем более что основа сил ПВО карабахской армии – ЗРК среднего радиуса действия С-125, С-75, «Куб» даже в модернизированном варианте имеют дальность поражения до 25-30 км. Отчасти этот недостаток компенсируется поступлением на вооружение систем С-300 с дальностью стрельбы порядка 90 км, способных использовать информацию в рамках региональной системы ПВО ОДКБ на Кавказе⁴⁴.

С учетом сложного горного рельефа местности в Нагорном Карабахе, Азербайджан сможет достаточно эффективно использовать ударные вертолеты Ми-24, количество которых у азербайджанской армии в последние годы увеличилось примерно до 30 вертолетов. При этом большинство из них модернизируются в модификацию Ми-24G (с возможностью выполнения боевых задач ночью и в сложных

---

⁴⁴ Эффективность действий ВВС Азербайджана, особенно для действий по наземным целям, значительно снижается в связи с техническим старением авиационного вооружения основных ударных самолетов ВВС Азербайджана - Су-17, Су-20, Су-24, Су-25, и многофункционального истребителя МиГ-29. Речь идет, в частности, об управляемых ракетах и корректируемых авиабомбах, в большинстве своем разработанных и произведенных еще в бывшем СССР. Устаревшие системы наведения управляемых авиационных ракет (Х-23, С-25ЛД, Х-25МЛ, Х-29Л, Х-29М) и корректируемых авиабомб (КАБ-500Кр, КАБ-500Л, КАБ-1500Л), состоящих на вооружение данных типов самолетов, а также недостаточная дальность пуска (10-12 км.), затрудняют их эффективное боевое применение против наземных целей в условиях действенной эшелонированной системы ПВО, как например, армянская ПВО в Нагорном Карабахе. См. подробнее: Михаил Растопшин, «Имитация процесса по созданию оружия нового облика», *Независимое военное обозрение*, 23.10.2009.

метеоусловиях) с помощью украинских специалистов по программам «Super Hind Mk.3» и «Super Hind Mk.4» южно-африканской компании АТЕ⁴⁵.

У армянской армии главной ударной силой продолжают оставаться сухопутные войска. Авиация ее слабее азербайджанской, хотя в 2004 г. в Словакии была закуплена довольно значительная партия штурмовиков Су-25, и в настоящее время в составе армянской авиации числится минимум 15 самолетов Су-25 различных модификаций. Однако отсутствие истребительного прикрытия затрудняет эффективное использование штурмовой авиации. Азербайджан обладает сравнительно большим количеством истребителей (в том числе закупленные в Украине самолеты МиГ-29) и рассчитывает на поставки новых и модернизацию имеющихся систем ПВО (в том числе ЗРС С-200 дальнего радиуса действия)⁴⁶. Ведутся переговоры и о поставках ЗРК С-300 из России. Соответственно, примене-

---

⁴⁵ По сведениям Регистра ООН по конвенциональным вооружениям, в 2009 г. в Украине было закуплено 11 ударных вертолетов Ми-24. См. подробнее: http://unhq-appspub-01.un.org/UNODA/UN_REGISTER.nsf. По состоянию на июль 2010 г. модернизировано и передано азербайджанской армии не менее 2 ударных вертолетов Ми-24G, оснащенных новой БРЭО и системами связи, оптико-электронной системой целеуказания в ночное время и в сложных метеоусловиях. При сохранении номенклатуры вооружения советского образца вертолеты также оснащены новой автоматической пушкой GI-2 и противотанковым ракетным комплексом «Барьер-В» украинского производства с дальностью стрельбы до 7500 м. См. подробнее: *ЮАР и Украина продолжают программу модернизации ударных вертолетов ВС Азербайджана*, <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2010/0709/13005140/detail.shtml>.

⁴⁶ В частности, видимо учитывая итоги российско-грузинской «Пятидневной войны» августа 2008 г., Баку принял решение закупить в Украине зенитно-ракетные комплексы «Бук-М1». Согласно подписанному осенью 2008 г. контракту на сумму около 36 млн. долларов, компания «Укрспецэкспорт» планировал к весне 2009 г. поставить Азербайджану 46 танков Т-72 и 3 зенитно-ракетных комплекса «Бук-М1». См. подробнее: *Украина поставит Азербайджану очередную партию оружия*, <http://azer-topnews.3dn.ru/news/2008-10-09-476, 09.10.2009>.

ние армянской авиации скорее всего будет носить локальный характер⁴⁷.

Впрочем, опыт локальных конфликтов показывает, что даже подавляющее превосходство в воздухе не в состоянии гарантировать успех наступления сухопутных сил. Это наглядно продемонстрировало вторжение Израиля в Ливан летом 2006 г. Сильнейшие в регионе Большого Ближнего Востока израильские ВВС, оснащенные самыми современными самолетами и имеющие на вооружении высокоточные системы оружия, так и не смогли сломить сопротивление фактически иррегулярных отрядов «Хезболлах», из средств ПВО оснащенных только ПЗРК.

Азербайджан же не в состоянии даже гипотетически достичь такого абсолютного и безнаказанного превосходства в воздухе, какое было у израильских ВВС во время ливанской кампании 2006 г. Азербайджанские ВВС имеют лишь до 40 боевых самолетов, специализированных для бомбоштурмовых ударов по наземным целям (самолеты Су-24 и Су-25, а также устаревшие Су-17 и Су-20,); отчасти эти задачи могут выполнять также и модернизированные истребители Миг-29. В тоже время легкие учебно-тренировочные

---

⁴⁷ Вместе с тем, надо учитывать, что практически вся боевая авиация ВВС Армении и Азербайджана имеет сроки эксплуатации не менее 18-20 лет. Хотя большая часть ВВТ, находящейся на вооружении сторон, произведена до конца 1980-х гг., однако проблема морального и технического старения боевой авиации стоит намного острее. Практически большая часть авиации сторон выработала свой полетный ресурс и даже их глубокая модернизация не сможет значительно повысить их боевые возможности. В случае же с сухопутными войсками и войсками ПВО проблема устаревания ВВТ не так остро отражается на их боевых и эксплуатационных свойствах. Это наглядно продемонстрировала, в частности, авария 29 января 2008 г. над Каспийским морем одного из поставленных из Украины и модернизированного украинскими специалистами азербайджанского учебно-боевого истребителя Миг-29УБ. Аналогично, 3 марта 2010 г. потерпел аварию в Шамкорском районе штурмовик Су-25 ВВС Азербайджана.

самолеты Л-29 и Л-39, в большом количестве находящиеся на вооружении ВВС Азербайджана, как показал опыт боевого использования арабами этих самолетов (равно как их израильских аналогов) в войнах 1967 и 1973 гг., не смогут сыграть особой роли в боевых действиях в условиях даже минимальной насыщенности ПВО противника лишь переносными зенитно-ракетными комплексами и зенитной артиллерией⁴⁸.

Таким образом, как и в ходе войны 1992-1994 гг., исход вероятных боевых действий в Карабахе будет решаться на земле, но со значительным увеличением роли артиллерии и ракетных систем. Естественное старение боевой техники привело к тому, что довольно значительная часть ВВТ сторон конфликта нуждается в капитальном ремонте или даже полной замене; их боеспособность существенно зависит от импорта запасных частей и комплектующих. В силу членства Армении в ОДКБ и военно-политического союза с Россией, проблема ремонта и обеспечения комплектующими ВВТ армянской армии решается более эф-

---

⁴⁸ Как отмечают израильские эксперты, по итогам боевых действий лета 2006 г. Израиль будет вынужден отказаться от надежд выигрывать последующие войны со своими соседями «малой кровью» лишь с помощью ударов авиации и/или действий спецназа. В настоящее время ЦАХАЛ опять должен будет вернуться к той тактике и стратегии, которыми он до этого выигрывал войны против арабов: т.е. быть готовым вести маневренные и стремительные боевые действия с привлечением значительного количества сухопутных сил (естественно при поддержке своей авиации), с решимостью достижения целей, несмотря на потери. Кроме этого, одной из важнейших причин неудачи израильтян в Ливане явились неправильно оцененные результаты боевых действий НАТО против Югославии в 1999 г. Надежды израильтян добиться снижения политического и военного потенциала «Хезболлах» и его поддержки со стороны населения путем масштабных бомбардировок и уничтожения объектов ливанской экономики и инфраструктуры оказались беспочвенными. См. подробнее: Spyer J. «Lebanon 2006: Unfinished War», *Middle East Review of International Affairs*, Vol. 12, №1 (March 2008). p.6.

фективно, поскольку предприятия российского ВПК являются основными и оригинальными разработчиками и производителями большей части ВВТ, находящейся на вооружении армянской армии, в то время как ремонт и поставки комплектующих для ВВТ советского/российского производства, имеющейся у азербайджанской армии, осуществляются в основном в Украине, ВПК которой в основном осуществляет «вторичное» (зачастую нелегальное) обслуживание советской и российской военной техники⁴⁹.

По сравнению с ВС Азербайджана карабахская армия является более компактной, но мобильной, с профессиональным офицерским корпусом, среднее и высшее звено которого практически полностью состоит из ветеранов боевых действий 1992-94 гг. Она технически неплохо оснащена, в том числе трофейным вооружением и техникой, которые впоследствии были частично модернизированы, а ее организационная структура позволяет небольшим подразделениям действовать мобильно и эффективно, особенно в оборонительных боях и в горной местности. Так, немецкий военный эксперт Шмидт полагает, что карабахские войска имеют самый высокий уровень боеспособности среди военных акторов в регионе, более натренированы и мотивированы. Военный эксперт отмечает (основываясь на информации из азербайджанских источников), что за последнее

---

⁴⁹ Это подтверждают и многочисленные аварии различного рода образцов ВВТ, оставшихся в Украине после развала СССР, прошедших «косметический» ремонт на украинских предприятиях и проданных зачастую по демпинговым ценам покупателям из числа постсоветских стран. Например, продажа 40 БМП-2 Грузии в 2004-2005 гг. (из которых 38 штук оказались в нерабочем состоянии) или же аварии закупленных Азербайджаном и Казахстаном также в Украине учебно-боевых самолетов МиГ-29УБ в 2008 г., штурмовика Су-25 ВВС Азербайджана в марте 2010 г. и т.д.

десятилетие заметно возросло и количество ВВТ карабахских войск, увеличившись с 1997 г. по 2009 г. по танкам на 47%, ББМ на 65%, и по артиллерийским системам – на 61%. Если по состоянию на 1997 г. утверждалось о наличии на вооружении карабахской армии 253 танков, 278 ББМ и 298 артиллерийских систем, то к 2009 г. их количество увеличилось на 118 танков, 181 ББМ и 181 артиллерийскую систему⁵⁰.

Хотя азербайджанская армия имеет численный перевес над армянскими и карабахскими войсками, она пока не в состоянии обеспечить «классическое» трехкратное превосходство в бронетехнике на линии главного удара для эффективного прорыва эшелонированной и фортификационно укрепленной системы обороны карабахской армии. Ее численный перевес в легкой бронетехнике (БМП и БТР различных модификаций) в случае начала военных действий и вступления в силу механизмов ОДКБ может быть в кратчайшие сроки компенсирован передачей ВВТ армянской армии со складов 102-й российской военной базы в Гюмри, имеющей до 300 единиц ББМ различных типов. Фактор наличия в составе армии Нагорного Карабаха значительного контингента ветеранов (практически все мужское население Карабаха принимало участие в боевых действиях в первой половине 1990-х гг.) может в качественном плане компенсировать разницу в численных показателях.

Отсутствие боевой авиации (кроме ударных вертолетов Ми-24) затруднит карабахской армии ведение наступательных действий, особенно за пределами собственно Ка-

---

⁵⁰ Hans-Joachim Schmidt, “Military Confidence Building and Arms Control in Unresolved Territorial Conflicts”, *PRIF Reports No 89*, Frankfurt am Main, 2009, p.12.

рабаха, на равнинной местности. Но на начальном этапе войны карабахская армия, вероятно, и не планирует активных наступательных действий, так как нынешняя линия обороны позволяет вести оборону малыми силами. Фортификационные позиции вдоль всей линии соприкосновения, на строительство которых армянской стороной потрачены значительные материальные ресурсы, должны смягчить первый удар наступающей азербайджанской армии и нанести ей ощутимые потери в технике и личном составе. Впрочем, в случае успешного отражения первого удара теоретически возможны и контрнаступательные действия карабахской армии, с последующим выходом на оперативный простор, что может в случае успеха поставить под угрозу жизненно важные районы Азербайджана.

Кроме того, в случае начала войны, ракетно-артиллерийские удары карабахской и армянской армии (вне зависимости от общего развития и итогов боевых действий) смогут нанести столь значительный урон энергетическим и коммуникационным объектам на территории Азербайджана, что это в долгосрочной перспективе негативно скажется на его экономическом и политическом развитии. Причем ракетно-артиллерийский потенциал ВС Армении значительно превосходит возможности карабахской артиллерии. В частности, на вооружении армянской армии находятся РСЗО WM-80 китайского производства, а также оперативно-тактические ракетные комплексы 9К72 «Эльбрус» (более известные, согласно западной системе обозначений советской военной техники, как “Scud-B”) в составе 8 пусковых установок 9П117М и как минимум 32 ракет Р-17, переданных Армении из состава 176-й ракетной бригады 7-й гвардейской армии в рамках раздела советского военного имущества в середине 1990-х гг. Ракеты Р-17 имеют даль-

ность стрельбы до 300 км. при круговом вероятном отклонении при стрельбе на большую дальность до 0,6 км.

По оценке военных экспертов, в случае начала Азербайджаном боевых действий и обстрела населенных пунктов Карабаха и Армении, ОТР 9К72 и РСЗО WM-80 армянской армии могут эффективно использоваться против важнейших азербайджанских военных, коммуникационных, энергетических и военно-промышленных объектов, в том числе находящихся в глубине территории Азербайджана. А для контрбатарейной борьбы армянская сторона может использовать как 152-мм буксируемые орудия 2А36 «Гиацинт» (не менее 24 орудий), так и большое количество 152-мм САУ 2С3 «Акация» и 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», численность которых в составе ВС Армении и Карабаха на данный момент на порядок больше, чем в азербайджанской армии. Эффективность контрбатарейной борьбы армянской артиллерии может быть повышена с принятием на вооружение новых БПЛО и систем управления артиллерийским огнем, разработанных на предприятиях армянского ВПК⁵¹.

5.3. Реалии «возможной войны»: асимметрия целей и концепций?

Таким образом, учитывая опыт локальных войн и конфликтов в регионе Большого Ближнего Востока, с большой долей вероятности можно утверждать, что в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта они опять будут вестись в основном с участием сухопутных сил

---

⁵¹ *Армения начнет создавать свой беспилотный самолет*, <http://news.armenia.ru/2010/03/18/armeniya-nachnet-sozdavat-svoj-bespilotnyj-samolet/>, 18.03.2010; *15 беспилотных летательных аппаратов состоят на вооружении Армении*, <http://www.regnum.ru/news/1287053.html>, 25.05.2010.

противостоящих сторон, оснащенных большим количеством бронетехники и артиллерии⁵². Следовательно, важную роль сыграют фортификационные оборонительные линии карабахской армии вдоль нынешней линии фронта. Как показывает военная история, фортификационные линии в Нагорном Карабахе не могут являться панацеей в случае начала масштабных боевых действий, и карабахская армия не сможет просто всю войну «отсидеться» в этих укреплениях. Однако, сочетание укрепленных полевых и долговременных сооружений (позволяющее значительно снизить эффект внезапности и выиграть время для мобилизационного развертывания армии) с ведением активной обороны не дает азербайджанской армии надежды на быстрый успех в Карабахе и в значительной степени нивелирует ее численное преимущество.

Некоторые азербайджанские политологи и военные эксперты взамен нереалистической в нынешних условиях идеи блицкрига в Карабахе выдвигают концепцию ведения ограниченных военных действий. Суть идеи «ограниченного реванша» в том, что в результате закупки большего количества вооружений Баку изменит военный баланс на карабахском фронте настолько, чтобы азербайджанская армия могла начать военную операцию в Карабахе и освободи-

---

⁵² По мнению аналитиков RAND Corporation – ведущей исследовательской организации США, одним из важнейших результатов как войны Израиля в Ливане в 2006 г., так и более удачной для Армии обороны Израиля операции «Литой свинец» в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 г. стало осознание военными экспертами необходимости и приоритетности сухопутных операций, как «необходимого компонента» для успеха боевых действий. Как отмечается, «нет больше уверенности в том, что одни только прямые удары, в основном с воздуха, могут привести к успеху». David E. Johnson, “Military Capabilities for Hybrid War: Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza”, *RAND Arroyo Center Occasional Paper*, Santa Monica, 2010, p.6.

доть хотя бы ряд равнинных районов, находящихся в настоящее время под контролем карабахской армии (в первую очередь Агдамский и Физулинский). Как полагают сторонники концепции, путем занятия этих двух районов Низинного Карабаха Баку может получить психологическое и военно-политическое преимущество перед Степанакертом и Ереваном и продолжить переговорный процесс в более выгодных условиях⁵³.

Логическим продолжением этой концепции является идея длительной окопной и дистанционной⁵⁴ войны на истощение, для ведения которой азербайджанской армии нужно будет закупить большое количество тяжелой дальнобойной артиллерии, РСЗО большого калибра и тактических ракет, а также повысить боевые возможности своей авиации, приобрести БПЛО и современные средства воздушной разведки и целеуказания. Предполагается, что в результате длительных ракетно-артиллерийских и авиационных ударов по боевым позициям и населенным пунктам Армении и Карабаха, Баку принудит Ереван и Степанакерт к уступкам, не начиная активного штурма оборонительных линий и не используя значительные сухопутные силы. Таким образом предлагается частично решить карабахскую проблему, не понеся при этом больших людских и материальных потерь.

Азербайджанские эксперты зачастую также утверждают, что находящаяся в условиях полублокады Армения, зависящая от коммуникаций Грузии и Ирана, в случае войны не сможет организовать обеспечение своих вооруженных

---

⁵³ Ариф Юнусов, *В случае войны с Арменией у Азербайджана есть возможности для победы, но не в результате блицкрига, а тяжелых и кровопролитных боев*, <http://www.day.az/news/politics/67269.html>, 29.12.2006.

⁵⁴ См. подробнее: Самвел Мартиросян, *Азербайджан готовится к войне нового типа*, <http://www.noravank.am/ru/?page=analytics&nid=643>, 19.04.2007.

сил и населения страны всем необходимым в течение долгого времени. Однако надо учесть, что аналогичная и даже еще более тяжелая ситуация транспортной блокады для Армении и Карабаха имела и в ходе боевых действий 1992-94 гг., что не оказало кардинального влияния на исход карабахской войны.

Концепция дистанционной войны, на первый взгляд сулящая Азербайджану значительные преимущества, имеет изъяны и с военной, и тем более с политической точки зрения. С военной точки зрения проблема в том, что хотя у Азербайджана больше РСЗО большого калибра и боевой авиации, сам Азербайджан более уязвим для ответных ракетно-артиллерийских ударов армянских войск, в первую очередь в силу имеющих там объектов нефтегазового комплекса (добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья), составляющего примерно 70% азербайджанской промышленности. Очевидно, что в случае возобновления боевых действий и уничтожения многих объектов азербайджанской нефтепромышленной инфраструктуры, иностранные компании впоследствии на многие годы вряд ли решатся на их восстановление и дальнейшее инвестирование миллиардных энергетических проектов в Азербайджане. Кроме этого, радиус действия ОТР и крупнокалиберных РСЗО, находящихся на вооружении армянских сил, а также географическое расположение самого Нагорного Карабаха дают возможность наносить удары и по наиболее крупным городам и промышленным центрам Азербайджана, в том числе и по столице. Более того, в зону обстрела даже ствольной артиллерии и 122-мм РСЗО БМ-21 «Град» карабахской армии попадают многие азербайджанские густонаселенные районы и крупные города с населением в сотни тысяч человек.

Кроме того, для наступающей стороны длительные боевые действия в Карабахе будут иметь большие негативные военные и политические последствия, чем для обороняющейся. Аналогичная ситуация сложилась, например, в ходе последней — на данный момент «дистанционной» — локальной войны в Ливане летом 2006 г. Как писал военный классик, говоря о преимуществах временного фактора для обороняющейся стороны, «все время, которое протекает неиспользованным, ложится на чашу весов обороняющегося»⁵⁵. Склады вооружения и материальные запасы, имеющиеся в Армении и Карабахе, позволят вести боевые действия достаточно долго, чтобы вступили в силу уже военно-политические факторы — такие, как присутствие в Армении 102-й российской военной базы и членство Армении в ОДКБ.

Из политических факторов, наверное, самым существенным ограничителем длительной военной кампании в Карабахе будет позиция внешних игроков и ведущих мировых держав. Мировое сообщество не позволит сторонам вести боевые действия в течение многих недель, и тем более месяцев, в таком стратегически важном регионе мира, в такой близости от значительных запасов нефти и газа и на таком стыке интересов и противоречий ведущих держав.

Кроме того, развязывание боевых действий с неопределенным исходом, на фоне безусловно резко отрицательной реакции мирового сообщества и ведущих держав, будет иметь гораздо более серьезные политические последствия для политической элиты Азербайджана, внутренняя легитимность которой во многом зависит от обещания возврата Карабаха силовым путем, чем для Нагорного Карабаха или даже Армении. Существует четкая асимметрия целей меж-

---

⁵⁵ Карл фон Клаузевиц, «*О войне*». М.— СПб, 2007, с.386.

ду Степанакертом и Баку, и асимметрия отношений, то есть восприятия возможных боевых действий обществами в Карабахе и в Азербайджане.

Как показывает опыт большинства современных локальных конфликтов, успех военной кампании зависит не столько и не только от количественного соотношения силовых и военно-технических потенциалов противостоящих сторон, но и от взаимодействия военных факторов с невоенными факторами победы: политическими, психологическими и идеологическими, в частности, способностями сторон к мобилизации общества и реальной легитимации военных действий во всех слоях населения⁵⁶. Как инициатор возобновления боевых действий, Азербайджан столкнется с более серьезными трудностями в легитимации военной кампании, чем общество и население Карабаха, для которых эта война станет борьбой за выживание.

Как показывает история колониальных войн и нынешнее противостояние между бывшими «метрополиями» и де-факто государствами, асимметрия воли и целей таких конфликтующих сторон приводит к ситуации, когда, по меткому выражению Дова Линча, «де-факто государства играют долгую игру, в которой не проиграть — означает выиграть»⁵⁷. Нагорный Карабах может и не выиграть очередную войну с Азербайджаном (будь то блицкриг или же окопные или дистанционные бои на истощение), но даже при ее неопределенном исходе он эту войну и не проиграет. А вот для Азербайджана любой исход боевых действий,

---

⁵⁶ Лариса Дериглазова, «Парадокс асимметрии в международном конфликте», *Международные процессы*, Т.3, №3 (9), сентябрь — декабрь 2005, с.86-89.

⁵⁷ Dov Lynch, «Separatist States and Post-Soviet Conflicts», *International Affairs*, Vol.78, №4, 2002, p.848.

кроме установления контроля над всей территорией Нагорного Карабаха, будет означать не только политическое, но и военное поражение, с тяжелыми последствиями для правящей элиты страны, вот уже второе десятилетие призывающей народ к реваншу⁵⁸.

Свою роль играет и политика сдерживания, активно используемая Карабахом и Арменией. Согласно теориям, разработанным в годы Холодной войны и подтвержденным опытом сохранения международной и региональной безопасности последних десятилетий, под «сдерживанием»⁵⁹ по-

⁵⁸ Аналогично Г.Киссинджер описывает ситуацию асимметричного конфликта США со Вьетнамом, где «слабому» во вьетнамской войне было достаточно ее «не проиграть», чтобы выиграть. Малые страны или народы, ведущие войну во имя значимой всеобщей идеи и при наличии определенных политических или моральных факторов (например, Финляндия в ходе «Зимней войны» 1939-1940 гг., Алжир в 1950-1960-х гг., Вьетнам в войнах против Франции и США в период с конца 1940-х до середины 1970-х гг., Израиль в арабо-израильских войнах 1948-1982 гг., непризнанные государства постсоветского пространства в первой половине 1990-х гг., и др.), способны в течение долгого времени обеспечить мобилизацию материальных и людских ресурсов для достижения победы над превосходящим по силе противником. См. подробнее: Лариса Дериглазова, «Парадокс асимметрии в международном конфликте», с.87-88.

⁵⁹ Надо учесть, что в англоязычной политологической литературе сдерживание имеет два термина — *containment* и *deterrence*, которые различаются их политологическим и военно-стратегическим смыслом. Термин *containment* (авторство которой приписывается классику американской политической науки и дипломатии периода Холодной войны Дж.Кеннану) использовался в качестве политико-экономических шагов по противодействию противнику в реализации его внешней политики, как, например, сдерживание Советского Союза и противодействие распространению коммунистической идеологии со стороны США. В том время как термин *deterrence* (который лингвистически правильнее переводить как «устрашение»), получивший распространение в американской политологической мысли с начала 1960-х гг. и вошедший в практику стратегического планирования США при министре обороны Роберте Макнамаре, подразумевает «сдерживание противника путем устрашения» и предупреждения его действий неотвратимостью возмездия и нанесения непоправимого ущерба, и в дальнейшем применяется в основном применительно к военно-стратегической сфере.

нимается предотвращение нежелательных военно-политических действий одной стороны в отношении другой (обычно уступающей ей в количественном отношении своего силового потенциала) с помощью угрозы причинения ей неприемлемого ущерба. Сдерживание предполагает совокупность военных, политических, экономических, дипломатических, психологических и иных мер, направленных на убеждение потенциального агрессора в невозможности достижения им своих целей военными методами.

В период Холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав речь шла о сдерживающем потенциале ядерного оружия. В данном же случае речь идет о сдерживании обычными вооружениями. В военно-теоретических трудах последнего времени такой вид сдерживания принято называть «неядерным» или «конвенциональным» сдерживанием. Неядерное сдерживание подразумевает готовность реализовать угрозы нанесения неядерными средствами «ущерба жизненно важным интересам и объектам государств — потенциальных агрессоров, заведомо превышающего выгоды от осуществления агрессии»⁶⁰. Неядерное сдерживание стало возможным и эффективным лишь в последнее время, когда наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств «достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы»⁶¹.

---

⁶⁰ В.М.Буренок, О.Б.Ачасов, «Неядерное сдерживание», *Военная мысль*, №12, 2007, с.12.

⁶¹ Там же.

В результате гонки вооружений военные потенциалы сторон карабахского конфликта несравнимы с периодом военных действий середины 1990-х гг. Некоторые системы вооружения, находящиеся на вооружении сторон, например, реактивные системы залпового огня 9А52 «Смерч» и «Лунх» - у азербайджанцев и WM-80 - у армян, имеют значительный поражающий потенциал, в том числе при действии по площадным целям, крупным населенным пунктам, объектам инфраструктуры и коммуникаций. Аналогичное политико-психологическое и военное значение может иметь и использование сторонами оперативно-тактических и тактических ракетных комплексов: 9К72 «Эльбрус» (Scud-V по натовской классификации) – армянами и 9К79-1 «Точка-У» - азербайджанцами. Велика вероятность, что в случае возобновления боевых действий, в первые же дни боев потери вооруженных сил и мирного населения противостоящих сторон составят даже не тысячи, а десятки тысяч человек. Поскольку скорее всего это будет не блицкриг, а длительная кампания, потери могут достичь громадных цифр.

Таким образом, гонка вооружений в зоне карабахского конфликта лишь повышает порог и снижает вероятность начала боевых действий. Это, конечно же, не дает полной гарантии невозобновления военных действий, но создает серьезные ограничители. Стабильность в зоне карабахского конфликта будет сохранять уже новый создающийся баланс – можно его назвать «балансом угроз» (по терминологии С.Уолта), – который вынудит стороны придерживаться хрупкого и нестабильного мира еще довольно долго. Более того, при эффективной реализации политика сдерживания в карабахском конфликте в перспективе может также создать условия для долговременного мира. Как отмечал пре-

мьер-министр Ицхак Рабин, оценивая возможности израильской политики при анализе аналогичного примера долговременного конвенционального сдерживания спустя почти полвека существования Государства Израиль, «чем дольше Израиль будет успешно сдерживать арабского лидера или коалицию от развязывания войны, тем лучше будут выглядеть долговременные перспективы сохранения мира»⁶².

Как отмечал английский военный теоретик и историк Бэзил Лиддел-Гарт: «целью любой войны является мир, лучший, нежели довоенный (хотя бы с вашей собственной точки зрения)»⁶³. В условиях, когда любая из сторон конфликта будет твердо знать, что при любом исходе военных действий в Карабахе она потеряет десятки тысяч человек и понесет громадные материальные издержки, ей будет намного сложнее решиться на возобновление войны. Шансы Азербайджана по итогам войны получить лучший мир, чем довоенный, невысоки. Как писал Лиддел-Гарт: «Победа в ее истинном значении подразумевает, что послевоенное устройство мира и материальное положение народа должны быть лучше, чем до войны. Такая победа возможна только в том случае, если будет достигнут быстрый результат или если длительные усилия будут экономно расходоваться в соответствии с ресурсами страны. Цель должна соответствовать средствам»⁶⁴.

Соответственно, возникает ряд вопросов. Насколько рационально рассчитывать на реванш в условиях гонки во-

---

⁶² Цит. по: Mark A.Heller, "Continuity and Change in Israeli Security Policy", *Adelphi Paper* #335, IISS, Oxford University Press, London – New York, 2000, p.12.

⁶³ Б. Лиддел-Гарт. «Стратегия непрямых действий» (*Энциклопедия военного искусства*). М. – СПб., 1999, с.403.

⁶⁴ Там же.

оружений, «баланса угроз» и отсутствия надежды на блицкриг? Готово ли азербайджанское общество к политическим, людским и материальным издержкам затяжной войны? Насколько Азербайджан может быть уверен в благоприятном для него исходе боевых действий? Готово ли азербайджанское руководство к негативным последствиям консолидированного давления международного сообщества в случае развязывания Баку военных действий? Осознает ли политическая элита и общественность Азербайджана вероятность и масштабы прямой военной и военно-технической поддержки Армении со стороны России в случае возобновления войны? Как представляется, последний военный конфликт в регионе Южного Кавказа — «Пятидневная война» августа 2008 г. — дал довольно пессимистические для Азербайджана ответы на подобные вопросы⁶⁵.

---

⁶⁵ О влияние результатов «Пятидневной войны» на ситуацию вокруг карабахского конфликта см. подробнее: Сергей Минасян, ««Пятидневная война» августа 2008 г.: военно-политический анализ», *Кавказ — 2008. Ежегодник Института Кавказа*. Ер., 2010.

6. Вместо заключения: будущее карабахского конфликта, или на кого работает время?

В условиях практически взаимоисключающих подходов общественности и политических элит Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана к перспективам мирного урегулирования и отсутствия реальных условий и даже надежд на достижение скорого компромиссного соглашения, чрезвычайно актуальным является оценка фактора времени в долгосрочной перспективе. Поэтому поиски ответа на политический и вместе с тем почти философский вопрос о том, «на кого же в карабахском конфликте работает время» или «к чему приведет пролонгация статус-кво», являются важнейшими компонентами дискурсов, существующих в идейно-политическом и в экспертно-аналитическом поле всех конфликтующих сторон.

В частности, значительная часть общественности и политических элит Армении и Карабаха считают, что продолжающееся существование де-факто независимой Нагорно-Карабахской Республики закрепляет позиции армянских сторон, особенно с учетом мировой тенденции к суверенизации некоторых непризнанных государств и так

называемого «косовского прецедента». По их мнению, каждый день существования Карабаха вне Азербайджана лишь укрепляет суверенитет НКР. Впрочем, в армянском обществе существует и противоположная точка зрения, однако она не является преобладающей и почти исключительно инструментализирована оппозиционными силами в качестве пропагандистского ресурса в борьбе за власть внутри Армении.

В Азербайджане же, наоборот, почти все слои общест-венности и политические силы надеялись, что сверхдоходы от продажи энергоресурсов либо позволят Баку с вернуть себе Карабах превосходящей военной силой, либо, в соче-тании с экономической блокадой, заставят Ереван и Степа-накерт пойти на односторонние уступки и вернуть Азербай-джану Карабах мирным путем. Однако эти надежды сильно пошатнулись в 2008 г., после неудачной грузинской кампа-нии в Южной Осетии, армяно-турецкого процесса и почти троекратного падения цен на нефть в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Для Азербайджана, более 70% расходов которого прямо или косвенно финан-сируются за счет продажи энергоресурсов, это был очень существенный фактор. В военном бюджете на 2009 г. впер-вые с 2003 г. было объявлено о планируемом снижении во-енных расходов как минимум на 10% в связи с резким па-дением цен на нефть. С учетом предсказываемого экспер-тами примерно с 2015 г. снижения пика добычи энергоре-сурсов на каспийском шельфе и ожидаемых долговремен-ных цен на нефть в диапазоне от 60 до 80 долларов за бар-рель, могут не реализоваться завышенные надежды Баку на нефтяные доходы как финансовую основу эффективных военных реформ и продолжения региональной гонки во-оружений.

Однако военная риторика со стороны официального Баку будет продолжаться – руководство Азербайджана не может от нее отказаться, в том числе и с учетом внутривнутриполитических ограничений. Это может измениться в результате либо очередного военного поражения, либо – в долгосрочной перспективе – постепенной деактуализации карабахского конфликта в общественном восприятии.

Тот факт, что официальные лица в Азербайджане постоянно стремятся ускорить карабахский процесс и обвиняют Армению в его торможении – возможно, лучший ответ на вопрос о том, на кого работает время в карабахском конфликте. Видимо, азербайджанское руководство и общественность это чувствуют лучше, чем жители Армении. Фактически, в Азербайджане проявляется синдром «песочных часов», когда каждый дополнительный день потери Карабаха усиливает у азербайджанского общества ощущение безвозвратной потери. Это ощущение усугубляется чуть ли не каждодневными, но однозначно безрезультатными воинственными заявлениями азербайджанского руководства, нереализуемость которых лишь усугубляет пессимистический настрой азербайджанского общества в вопросе возврата Карабаха «любыми способами».

Другой ответ на вопрос о том, на какую из конфликтующих сторон работает время, лежит не в военно-политической, военно-технической или же экономической сферах, а возможно, вообще не в материальной сфере, и не может быть численно измерен, ибо зависит от политической воли и моральной стойкости сторон. Время работает на ту из сторон, которая сама изнутри готова выдержать испытание временем, терпеть издержки (далеко не только материальные) от необходимости поддерживать свою армию в постоянной боеготовности и нести экономическое бремя гонки вооружений.

Для того чтобы у мирового сообщества создалась консолидированная позиция по карабахскому конфликту, способная повлиять на позиции самих конфликтующих сторон и ускорить переговорный процесс, нужно совпадение очень большого количества факторов и условий. В настоящее время этого не происходит и в обозримом будущем вряд ли произойдет, учитывая продолжающееся геополитическое противоборство основных влиятельных внешних игроков. Внутреннее противодействие урегулированию в обществах и элитах конфликтующих сторон настолько высоко и настолько превышает нынешнее «дозированное» вовлечение и давление внешних сил, что говорить о быстром компромиссном урегулировании не имеет смысла. В конце концов, в реальности особого беспокойства карабахский конфликт основным мировым акторам не приносит, иначе бы это внимание и вовлечение не ограничивалось бы почти исключительно форматом трех сопредседателей Минской группы ОБСЕ и спецпредставителя действующего председателя этой организации с немногочисленным штатом военных наблюдателей по мониторингу режима прекращения огня⁶⁶. Наряду с сохранением военно-политического баланса и складывающегося «баланса угроз», это также обеспечивает пролонгацию статус-кво вокруг карабахского конфликта.

Начавшаяся летом 2008 г. армяно-турецкая «футбольная дипломатия» на достаточно долгий период — уже как минимум на два года — заморозила реальный переговорный процесс по Нагорному Карабаху. Это в очередной раз подтвердило тот факт, что на карабахский конфликт самым

---

⁶⁶ См. подробнее: Tom de Waal, “Remaking the Nagorno-Karabakh Peace Process”, *Survival*, vol.52, N.4, August - September 2010.

прямым образом влияют любые региональные и глобальные политические процессы и изменения. Причем, это влияние может быть различного рода, и в долгосрочной перспективе (с точки зрения если не полноценного урегулирования, то хотя бы трансформации карабахского конфликта и снижения напряженности) приводить как к негативным, так и к позитивным последствиям. Так, налаживание двусторонних отношений Армении и Турции, открытие границы и трансформация позиции Анкары в карабахском конфликте в сторону большей беспристрастности и объективности могут создать более благоприятную атмосферу для карабахского урегулирования. В более широком контексте это приведет к формированию более стабильного и безопасного региона, а также активизации в нем процессов европейской интеграции.

На сегодняшний день карабахский конфликт остается стержневым конфликтом на Южном Кавказе, влияющим на рамки региональных процессов и динамику взаимоотношений между глобальными и региональными акторами. При этом интересы самих конфликтующих сторон и вовлеченных в процесс мирного урегулирования посредников тесно переплетаются и одновременно вступают в противоречие, что отдаляет скорое урегулирование карабахского конфликта. Однако сохраняющийся статус-кво и продолжающийся на этом фоне стабильный переговорный процесс между сторонами в перспективе дают надежду на достижение долгосрочного мира и устойчивой региональной безопасности на Южном Кавказе.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Минасян — политолог, кандидат исторических наук, руководитель отдела политических исследований Института Кавказа. Специалист по вопросам военной истории и международных отношений. Занимается проблемами региональной безопасности и урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе.

Об Институте Кавказа

Институт Кавказа является одним из ведущих аналитических и образовательных центров в Армении и в регионе и ведет политологические, социальные и медиа-исследования в применении как к Южному, так и к Северному Кавказу. Сфера научно-исследовательской деятельности Института включает также региональные исследования в более широком контексте.

Институт Кавказа основан в Ереване в 2002 г. и имеет сложившуюся репутацию нейтральной и неполитизированной платформы для дискуссий по острым вопросам политического и социального развития региона. По результатам научной работы ИК проводит экспертные совещания, круглые столы и конференции, издает различного рода публикации, в том числе Ежегодники, освещающие различные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни Северного и Южного Кавказа.

Кроме чисто теоретической и практической аналитической работы, важной особенностью исследовательской деятельности ИК является тесная связь с информационной сферой для более широкого ознакомления общественности и политических элит стран региона с результатами научно-исследовательской работы Института, а также фор-

мирования общественного мнения и профессионального дискурса и выработки рекомендаций принимающими политические решения акторами. С этой целью ИК ведет интенсивную работу со средствами массовой информации, широко популяризируя результаты научных исследований и способствуя широким общественным дебатам в Армении и на всем Кавказе.